

**Александр
ЗОЛОТКО**

**ПОД ПОЗОЛОТОЙ —
КРОВЬ**

Наблюдатель

Александр Золотко

Под позолотой кровь

«Автор»

Золотько А. К.

Под позолотой кровь / А. К. Золотько — «Автор»,
— (Наблюдатель)

ISBN 966-03-0736-5

Серия жестоких, на первый взгляд ничем не мотивированных, убийств разрушает благопристойную и упорядоченную жизнь небольшого курортного города. Позолота осыпалась. Под позолотой – кровь, ненависть и деньги, разгул организованной преступности, борьба криминальных структур за официальную власть. И кровь, всюду кровь.

ISBN 966-03-0736-5

© Золотько А. К.

© Автор

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
Глава 1	5
Палач	5
Наблюдатель	6
Палач	8
Наблюдатель	10
Кровь	11
Наблюдатель	12
Палач	14
Глава 2	16
Суета	16
Мусор	17
Палач	19
Кровь	22
Наблюдатель	23
Глава 3	28
Суета	28
Мусор	30
Суета	32
Наблюдатель	33
Мусор	36
Король	40
Глава 4.	42
Суета	42
Король	45
Суета	49
Мусор	51
Наблюдатель	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Золотко

Под позолотой – кровь.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Палач

Море было где-то рядом. Каких-нибудь двадцать минут прогулки и можно было смыть с себя и пыль, и жару, и усталость. Двадцать минут под палящим солнцем по улицам, заполненным равномерно обжаренными на песчаном гриле курортниками и раздраженными местными жителями. А потом еще двадцать минут между телами пляжников в поисках свободного места под недовольные окрики загорающих и под миллионнотонной тяжестью южного солнца. И все это только ради того, чтобы окунуть тело в мутную загаженную воду, способную вызвать только отвращение.

Курорты он мог переносить лишь начиная с середины сентября, когда стада отдыхающих разбредались по своим зимовьям в ожидании грядущей зимы и в предвкушении следующего лета, когда они снова смогут устраивать лежбища у самой кромки ими же загаженного моря. В сентябре все было совсем по-другому. По улицам можно было ходить не шараясь от жаждущих загара толп, не выстаивать бесконечные очереди по любому поводу и не дожидаться на солнцепеке совершенно одуревшего от жары и клиентов официанта. И море в сентябре перестает подогреваться телами раскаленных курортников, и его снова можно уважать, это самое море, умудряющееся не смотря ни на что оставаться морем – немного загаженным, но все еще живым. Его поражало постоянное возрождение моря, почти такое же непостижимое, как и способность людей превращать все вокруг себя в грязь, мусор и вонь.

Только прямой приказ мог заставить его появиться в этом потном аду в самый разгар июля и принудить подавить в себе отвращение к окружавшим его людям. Обычно он старался не думать об этом, но иногда ему в голову приходило, что вовсе не жару он так не любит. Люди – вот то единственное, что он действительно мог ненавидеть и презирать. И в минуты такого озарения он был почти благодарен Господу, что тот позволил ему заниматься этой работой. Позволил ему убивать.

Даже те, кто отдавал приказы, не всегда могли скрыть от него свое отвращение. Свое же отвращение к ним, как к представителям ненавистной толпы, он не скрывал никогда. Они это знали и воспринимали как должное. Они великолепно сознавали, что любой другой на его месте, не поддерживаемый подобной ненавистью, уже давно сошел бы с ума. А его безумие было даже полезным и, что самое главное, контролируемым. К нему только нельзя было поворачиваться спиной.

Он не был ни садистом, ни маньяком. Его учили многому, и он многое умел. Но приказывали ему только убивать. И не потому, что не были в нем уверены. Просто все знали : это единственное, что он ХОТЕЛ делать.

И ему предоставляли такую возможность. Не скрывали своего отвращения и использовали его. А он использовал их. Использовал их приказы для того, чтобы реализовать свою ненависть, превратить ее в смерть. Они не могли обойтись без него, а он... В принципе, он мог

обойтись и без их приказов, и без разрешения на убийство. Просто слишком много времени стало бы уходить на поиск причин, разрешающих убийство того или иного человека.

А пока все было предельно просто – он не только убивал, но делал это по просьбе самих же людей. Он вел против них войну, а они думали, что он только выполняет их приказы и заботится о так называемых государственных интересах. Он помогал людям уничтожать друг друга, а они предоставляли ему взамен орудия уничтожения и статус ОРУДИЯ уничтожения. Он мог не ощущать себя человеком, и уже это одно окупало все трудности. Это окупало даже двухнедельное пребывание в тошнотворной давке июльского курорта.

До моря двадцать минут ходьбы, но сегодня он мог совершенно оправданно не выполнять надоевший ритуал омовения в помоях городского пляжа. Сегодня он покинет и эти пыльные улицы, заполненные жаждущими солнца тушами, и насквозь пропотевший гостиничный номер, и море, судорожно пытающееся выбраться из-под тяжести купающихся. А еще он совершит то, ради чего его сюда прислали чистенькие и непорочные. Он совершит то, ради чего только и есть смысл жить, то что он умеет делать лучше всего на свете. Он будет убивать. А это значит, что ему есть ради чего жить.

Наблюдатель

Ножки. Ножки имели место. На такие ножки приятно посмотреть. Один взгляд на них почти равен прикосновению. Все приподнимается, включая настроение. Девуля прекрасно понимает, что такие ноги не могут не быть всенародным достоянием, и старательно демонстрирует их взглядам ценителей. Хотя, может быть, она просто ждет оценщика. Или огранщика, способного этот шедевр достойно оправить.

Гаврилин не любил ходить в музеи по той простой причине, что не мог не потрогать руками того, что ему понравилось. Все эти таблички «Руками не трогать» приводили его в состояние тихой ярости, а на старушек-смотрительниц он просто старался не смотреть. Ну их, в самом деле, к чертовой матери, этих гарпий от высокого искусства. Счастье еще, что по роду деятельности Гаврилину мало приходилось шляться по музеям и выставочным залам. Ему вообще пока мало приходилось шляться по делам службы. Он и на службу-то попал совсем недавно и по всем меркам был самое большее сосунком и подготовишкой. Гаврилин поморщился и недовольно посмотрел по сторонам, будто ожидая натолкнуться на осуждающий взгляд начальства. Начальства, естественно, на летней площадке кафешки отсутствовало.

Сопляк, он и есть сопляк. Человек опытный не тратил бы времени на созерцание ножек, а уделял бы больше внимания окружающим, их перемещениям, взглядам и прочему... Но какие ножки! Как, впрочем, и все остальное.

Они просто с ума сходят на этих курортах! И упрекнуть их совершенно не в чем. В такую жару одевать под футболку еще и нижнее белье – практически самоубийство, а не одевать лифчик – убийство с отягчающими. Можно просто умереть. Истечь слюной. Гаврилин сглотнул и заставил себя оторвать взгляд от сосков девушки возле крайнего столика. Работать надо. И то, что по прихоти начальства его первая командировка оказалась двухнедельным курортным раем с расплывчатым заданием наблюдать за некоторыми событиями, абсолютно ничего не значило. Вздрыгнуть за расслабленность могут так, что следующая командировка будет уже за полярный круг. Тамошняя одежда не позволит так тщательно оголить и подчеркнуть аппетитные формы и линии...

Твою мать! Ну, нельзя же, в самом деле, просто так ходить с такими сиськами. Ракурс еще, слава богу, ничего. В профиль, конечно, грудь и ножки видны рельефнее, но, во всяком случае, ему не нужно вздрагивать каждый раз, когда красотке придет в голову поменять положение своих ног.

Гаврилин готов был поклясться, что под юбкой у нее также неприкрыто, как и под футболкой. Тому мужику, что маячит перед входом в крытый павильон, можно и посочувствовать и позавидовать одновременно. Бедняга, как загипнотизированный, смотрит только в одну точку, и точка эта расположена как раз на стыке ножек. Беднягу бросает в пот не только из-за пиджака в тридцатиградусную жару...

Блин, а ведь он действительно в пиджаке. Он его, конечно, расстегнул, но снимать не собирается.

И что бы по этому поводу сказал преподаватель искусства наружного наблюдения? Чем на блядей паяться, Гаврилин, ты бы лучше о тыле побеспокоился и постарался бы не торговать нижней челюстью понапрасну!

Гаврилин напрягся и огляделся вокруг, надеясь, что выглядит это достаточно естественно. На открытой площадке народу было немного – и это понятно. Никакие пепси-колы не защитят от июльского солнца. В это время всем положено быть на пляже. Кроме тех, кого удерживает от этого выполнение работы.

С Гаврилиным совершенно понятно, он должен здесь сидеть по воле начальства, которому на бурное потоотделение новичка плевать. Мамаша кормит дитя мороженым – тоже понятно, если посмотреть на цвет кожи и мамы, и дочери. Обе пышки – одна в тяжелом весе, а другая на полпути к этой весовой категории – явно прибыли на курорт только вчера и до заката сумели довести цвет своей кожи до оттенка пожарных машин. Им обеим на пляж нельзя, и горе приходится заедать мороженым.

В самой глубине, в тени единственного возле кафешки дерева, сидел мужчина средних лет и смотрел в газету, прерывая это занятие ленивыми глотками из пивной банки и взглядами на часы. С ним тоже все ясно – кого-то ждет, хотя время и место для встречи выбрано явно неудачно. В такую погоду все свидания надо назначать либо возле моря, либо в помещениях с кондиционером. В крытом павильоне кондиционера не было, это Гаврилин установил еще неделю назад, так что мужичек выбрал не самое ужасное место. Явно человек опытный и терпеливый.

Еще красotka за крайним столиком. Блондинка. Гаврилин выматерился про себя. Она просто издевается над окружающими! Мало того, что грудь третьего размера торчит без всякой поддержки со стороны бретелек и подтяжек, так она еще повесила свою сумочку на стул, стоящий за спиной, и всякий раз, доставая из сумочки сигарету, откидывалась на спинку так, что груди... Футболка просто могла лопнуть под таким напором!

Гаврилин не мог видеть того, что еще открывалось потрясенному взгляду типа в пиджаке, но именно в такие моменты лицо мужика принимало мучительно-сладостное выражение. Блондинка откидывалась назад, груди напрягались, соски, и без того ясно заметные, проступали еще явственней, ноги немного расхотелись, затем правая рука дамы медленно возвращалась из сумочки с длинной сигаретой, и ярко красные от помады губы осторожно прикасались к фильтру. Гаврилин все это видел в профиль, а хмырю в пиджаке все это демонстрировалось анфас.

Да что же это он так за пиджак ухватился? Ясное дело – кобура. Но на мента этот парень не похож. На оперативника – тоже. Профессионалы должны лучше контролировать себя при исполнении служебных обязанностей. Подумав об этом, Гаврилин кашлянул и покосился на сидевшего под деревом любителя прессы.

Вот действительно счастливый человек. Попить пива, полистать газетку, совершенно не обращая внимания на жару, дико орущие динамики возле входа в крытый павильон, и не ломать себе голову над тем, почему этот долбодятел делает на самом солнцепеке, кроме того, что паяется на девуку.

Хотя чего тут ломать голову? Судя по всему, парня поставили здесь для того, чтобы он перекрывал для всех посторонних проход в крытый павильон.

И что же тогда происходит в павильоне? Гаврилин снова про себя выругался. Ему так толком и не объяснили, за чем именно он должен следить в этом кафе. Как никто за последние две недели не объяснял ему, зачем приходилось часами просиживать, простаивать и пролеживать в разное время суток в разных местах этого городка, пропахшего шашлычным дымом.

Даже оружия он с собой не носил, чему, в общем-то, был несказанно рад. Кайф от прикосновения кобуры к телу он перестал ощущать почти сразу же. Таскать на себе лишний килограмм веса не хотелось совсем. Тем более, что для прикрытия кобуры пришлось бы напялить на себя еще что-нибудь из одежды. И выглядеть при этом таким же идиотом как этот охранник. Хотя бедняге явно не до того, чтобы выполнять свои прямые обязанности.

Блондинке как раз снова решила осуществить свой маневр с сумочкой, и бедняга охранник, чтобы скрыть явные признаки своего возбуждения, был вынужден сунуть руку в карман брюк.

Гаврилин хмыкнул. Ему вдруг пришла в голову мысль, что все правши в такой ситуации суют в карман правую руку, а левши – левую. Все мужики стараются держать возле вставшего прибора свою рабочую руку. Уж не признак ли это скрытой предрасположенности всех мужиков к онанизму?

Охранник пялился на выдающиеся достоинства блондинки, прикрывая эрекцию правой рукой, поэтому он упустил из виду два события.

Из-за угла павильона появился мужчина с большой полиэтиленовой сумкой в руке, а блондинка, возвращаясь в исходное положение, извлекла из сумочки не сигарету, а пистолет с неестественно длинным от навинченного глушителя стволом.

Гаврилин это заметил, но отреагировать как-нибудь не успел.

Палач

Оружие! Палач любил и понимал его как никто другой. Когда он брал в руки оружие, лицо его принимало выражение задумчивости и несвойственной для Палача обычно мягкости. Оружие излучало честность и надежность.

Люди так и не поняли, что появление оружия не сделало их сильнее. Появление оружия еще больше подчеркнуло глупость и слабость самих людей. Черта с два изготовленный Кольтом шестизарядник уравнил шансы. Оружие никогда не станет глазеть по сторонам или на другое оружие. Охранник же наверняка сейчас смотрит куда угодно и думает о чем-нибудь, никак с его основной задачей не связанное. Оружие же либо выполнит свою работу, либо будет ожидать, когда в нем возникнет потребность. Как это делает автомат в сумке Палача. Добрый старый Калашников.

Палач не говорил этого никому, но знал что это так совершенно точно, потому, что и сам был оружием. Надежным, рационально сконструированным и не терпящим учебных тревог.

Те, кто его использовали, знали насколько не любит Палач неряшливо спланированные операции и неаккуратно определенные цели. И никогда не пытались ни вмешаться в его работу, ни остановить его на полпути.

Палач вышел из машины, прошел через крохотный, на шесть деревьев, скверик и по вымощенной шлакоблоками дорожке прошел вдоль стены павильона. Автомат в сумке приятно оттягивал руку.

Если отлаженный Палачом механизм сработает точно, то через несколько секунд Калашникову придется поработать. Если...

Никаких «если» Палач не допускал. Все выверено до секунды и до сантиметра. И ничто уже не сможет остановить операцию.

Пуля вылетела. В прямом смысле этого слова. Первый выстрел Даши совпал секунда в секунду с появлением Палача на площадке перед павильоном. Девятимиллиметровая пуля

вылетела из ствола, за доли секунды преодолела пять метров до горла охранника. Как ни мягки были ткани гортани и мозга, тупоногая пуля немного затормозила свое движение и ей уже не хватило скорости пробить маленькую аккуратную дырочку в костях черепа. Пуля проломила затылок охранника и вылетела наружу, разбрасывая брызги крови и мозга. Брызги были мелкими и со стороны показалось, что из головы через затылок вылетело небольшое облачко алого пара.

Палач преодолел два метра, отделявших его от двери павильона, фиксируя краем глаза застывшие фигуры за столиками (два мужчины, женщина и девчонка), извлек из сумки автомат, снятый с предохранителя заранее, и шагнул в полумрак павильона ровно через секунду после того, как тело охранника, опрокинутое выстрелом, перевалилось через порог.

Шаг вправо от двери, пол-оборота вправо так, чтобы дуло автомата нащупало самую крайнюю справа мишень, и плавное нажатие на спусковой крючок. Дальше можно было просто смотреть на то, как автомат выполняет свое дело. Нужно лишь аккуратно передвигать ствол справа налево. Передвижение ствола именно в этом направлении позволяло переносить прицел с одной мишени на другую особенно плавно и без рывков.

А мишени все еще не могли оторвать взглядов от лежащего на пороге охранника, когда две пули пробили грудь сидевшего за столиком возле стеклянного холодильника. Раз. Его собеседники. Два и три. Здоровяк, стоящий возле стойки бара. Осколки стекла от бутылок и стаканов, струя крови из горла бармена (не кстати, но ничего не поделаешь), три дырки в груди коренастого парня с реакцией боксера – он даже успел вскочить, прежде чем был сбит с ног, и, наконец, тот, ради кого все и было организовано. На вид лет сорок, уши слегка оттопырены, на левой щеке небольшой шрам. Палач успел зафиксировать его приметы в памяти, прежде чем пули смешали черты этого лица с обломками костей. Четыре, пять, шесть и семь. И все проделано одной длинной очередью.

В дверях появилась Даша, с сумками в одной руке и пистолетом в другой. Уверенно пересекла помещение, толкнула дверь в подсобку и три раза выстрелила прямо перед собой. Официант. Его не было в зале. Палач вслед за Дашей прошел через подсобку к задней двери, переступил через официанта и вышиб дверь ногой.

Без осечек, все как обычно прошло без осечек, но Палач не испытал при этом гордости. Не произошло ничего особенного. Он в очередной раз продемонстрировал свое умение точно работать, а это было и так известно. Тем, конечно, кто вообще знал о существовании Палача. И еще ему было совершенно некогда радоваться. Оружие нужно чистить и кроме того... Палач поглядел на Дашу. Все как обычно, она возбуждена до предела и плохо себя контролирует.

После того, как они сели на заднее сидение машины, и Володя плавно тронулся с места, Даша схватила руку Палача и потянула ее к себе под юбку.

– Подожди, маленькая, немного потерпи, – тихо сказал Палач, осторожно высвобождая руку. – Я все сделаю как надо. Приедем сейчас домой, и я сделаю как тебе нравится.

– Ну, мне же нужно, – простонала Даша, – ну как же ты не понимаешь?

– Потерпи, хорошая, ну потерпи, – тихо сказал Палач, стараясь не прикоснуться к телу Даши.

– Потерпи, Даша. Я вас быстро довезу, – сказал Володя.

– Мне нужно, ты слышишь, мне нужно, – сжав руки в кулаки и закрыв глаза, прохрипела Даша, – ты же знаешь – я могу умереть! Слава, пожалуйста.

Палач откинулся на спинку сидения и закрыл глаза. Во время работы он забывал, что еще имеет человеческое имя. Такое же, какое носят многие из тех, кого он так ненавидел. Люди. Палачу было за что их ненавидеть. Палач открыл глаза и взглянул на Дашу. Ей тоже было за что их ненавидеть.

Наблюдатель

Все это мало напоминало учебное задание. Гаврилин обычно демонстрировал неплохую реакцию, и преподавателям редко удавалось на занятиях заставить его врасплох. Но то было на занятиях, и слова инструкторов о том, что в реальности все будет выглядеть несколько иначе, воспринимались как обязательный ритуал.

Море, жара, ленивая атмосфера курорта, длительная неопределенность сделали свое дело. И кроме этого, действие было направлено не против него. Если все произошедшее рассматривать как экзамен, то предназначался он для охранника. И это уж охранник должен был на него реагировать. А Гаврилин мог спокойно наблюдать за происходящим, что он и делал.

Больше всего Гаврилина поразила собственная реакция на произошедшее. Он успел заметить, что девушка извлекла из сумочки пистолет, он заметил, как из-за угла появился мужчина, Гаврилин даже смог одновременно проследить за полетом гильзы из пистолета и появлением на горле охранника отверстия от пули. Он увидел и зафиксировал в памяти то, что появившийся из-за угла мужчина извлек из сумки автомат и уронил сумку на пол, и то, что блондинка, прежде чем вошла в павильон, спокойно высыпала свои окурки из пепельницы в пластиковый стаканчик, а сам стаканчик опустила в сумочку. Гаврилин заметил все, но ничего не предпринял.

Нет, не то, чтобы он не успел. В мозгу у него даже не появилось мысли о необходимости что-либо предпринять. Гаврилин просто сидел как парализованный и смотрел в дверной проем павильона.

Рев динамиков возле двери перекрывал все звуки. Гаврилин отстраненно подумал о том, что выстрелов слышно не будет, и действительно смог уловить лишь слабый рокот, наложившийся на залихватский ритм мелодии.

Первой отреагировала дама. Может быть потому, что реакция ее была наиболее близкой к животной, а потому наиболее естественной. Дама оторвалась от своего мороженого и закричала, глядя на ноги охранника, виднеющиеся из двери. Дама не пыталась ни бежать, ни прятаться, а просто визжала, широко раскрыв рот. Ее дочь пару секунд молча наблюдала за происходящим, а потом, рассудив, что мама плохого делать не станет, тоже закричала.

Если бы в дверях возник убийца с автоматом и начал бы стрелять, то и тогда эта пара не прекратила бы визга, а так и умерла бы с разинутыми ртами. Но проходили бесконечные секунды, а из полумрака павильона никто не появлялся.

В голову Гаврилина пришла мысль, от которой он вначале просто отмахнулся, а потом вдруг осознал, что именно ответ на этот вопрос для него сейчас наиболее важен. Совершенно понятно, что через несколько минут, так или иначе, здесь появится милиция, и ему придется давать показания. А вот стоит ли это делать, стоит ли вступать в контакт с представителями власти, было совершенно непонятно.

Словно в поисках совета Гаврилин оглянулся на мужика, сидевшего под деревом, и с некоторым удивлением вдруг обнаружил, что того уже нет.

Сказочно, просто волшебным. Человек подготовленный, коим считал не без оснований себя Гаврилин, находится в ступоре, а простые обыватели уже реагируют, причем некоторые из них весьма и весьма эффективно.

«Глас народа – глас Божий», – подумал Гаврилин и покинул кафе, перепрыгнув через низкое ограждение. Он даже успел отойти на несколько десятков метров, прежде чем в магнитофоне кафе закончилась кассета, и в наступившей тишине стереовопль дочери и мамы прозвучал как сигнал воздушной тревоги.

Гаврилин подавил желание ускорить шаг. Сочетание бегущего человека с душераздирающим звуковым сопровождением неминуемо вызвало бы подозрение. Гаврилин вначале остановился, а потом, заметив людей, идущих на крик, тяжело вздохнул и двинулся в ту же сторону.

Единственный способ не привлечь к себе внимания окружающих – это делать все, что делают окружающие.

А они начинали собираться возле кафе.

Кровь

В кафе находилось девять трупов. У двух из них были пробиты головы. А такие раны особенно кровавы. Бармену пуля перебила артерию, и кровь, ударив вначале фонтаном, забрызгала стойку и стены, а потом просто вытекала из лежащего тела. Те капли, что попали на стену и стойку бара, застыли почти сразу.

Двум посетителям пули разорвали аорты, и за те несколько секунд, что люди прожили после ранения, сердца успели выкачать наружу почти всю кровь. У остальных убитых, за исключением официанта, все ранения были сквозными, что тоже способствует обильному кровотечению.

Меньше всех крови вытекло у официанта. На его долю пришлось три девятимиллиметровые пули. Такие пули имеют большую останавливающую силу и, соответственно, меньшую проникающую способность, чем пули автомата. Поэтому все три попадания в грудь официанта были слепыми, то есть не имели выходного отверстия. Официанта, правда, это особенно радовать не могло. Он тоже был мертв, как и те, чьи ранения выглядели менее аккуратными.

Пока зеваки собирались возле кафе, пока кто-то отважился заглянуть вовнутрь и рассмотреть-таки, что именно там находится, пока этого отважного выворачивало на глазах заинтригованных зрителей, пока, проблевавшись, смельчак объяснял остальным, что именно ему удалось рассмотреть, пока искали телефон и пока дозванивались до милиции, кровь все вытекала и вытекала.

Вытечь, естественно, смогла не вся кровь. Всего вытекло литров двадцать. Если мерять ведрами, то это выходило чуть больше двух ведер. Ровно столько воды тратила обычно уборщица, чтобы вымыть пол в крытом павильоне кафе «Южанка». Уборщице никогда не удавалось добиться такого лакового отсвета, какой приобрел пол, равномерно покрываясь пленкой густеющей крови. Но полное совершенство невозможно.

Кровь не смогла полностью скрыть мусор, успевший скопиться со времени последней уборки, и стреляные гильзы. Обычно мусора собиралось немного, но один из сидевших за столом, падая, сбил на пол пепельницу, и окурки вместе с пеплом тоже постепенно пропитывались кровью.

К тому моменту, когда в дверях кафе появился первый милиционер, кровь успела загустеть и связать между собой трупы, мусор и гильзы в одно целое. Запекаясь кровь становится необыкновенно вязкой, и первые из тысяч курортных мух, со всех сторон слетевшихся на терпкий запах крови, погибли, прилипнув к полу.

Подошвы туфель старшего лейтенанта милиции Мусоргского тоже прилипли на первом же шагу. Старший лейтенант задумчиво посмотрел вокруг, сплюнул на залитый кровью пол и вышел на открытую площадку под полуденное солнце и взгляды зевак.

Подошвы продолжали липнуть, и Мусоргский несколько раз шаркнул туфлями по бетону, оставляя красно-черные полосы.

– Что там? – крикнул от машины водитель.

– Еб твою... – громогласно начал Мусоргский и осекся, заметив как зрители затаили дыхание в ожидании новой информации. – Туфли все изгадил.

Зрители перевели дыхание.

– Свяжись с управлением и вызови начальника. Скажи – ему тут самому все нужно посмотреть, – скомандовал старший лейтенант и снова сплюнул.

Из всех возможных профессиональных милицеских качеств старший лейтенант милиции Игорь Иванович Мусоргский имел только одно – предчувствие возможных неприятностей. Но именно из-за своей исключительности, это качество у Мусоргского было развито необыкновенно сильно. И сейчас упорно подавало старшему лейтенанту сигналы тревоги.

Наблюдатель

– А теперь Мусор будет ждать пока менты приедут, – констатировал женский голос за спиной Гаврилина. Гаврилин вздрогнул. День у него выдался действительно необычный.

Вначале он видит блондинку, способную одним движением свести с ума, а теперь прямо у него за спиной звучит голос, способный увести за собой хоть на край света. Глубокий, довольно низкий голос, не отливающий серебром, а, скорее...

Что конкретно «скорее» Гаврилин придумать не смог. Ему и в обычных условиях плохо давались комплименты. Гаврилин чувствовал себя полным идиотом, когда, глядя в глаза женщине, был вынужден бормотать что-нибудь на тему ножек, глазок и сильного желания прикоснуться губами к ароматному бутону ее губ. На счастье, попадались на его пути женщины к особой романтике не склонные и способные распознать необходимый комплимент в движении его взгляда от колен к лицу через бедра и грудь.

Но этот голос... Этот голос привел Гаврилина в состояние странного возбуждения. Даже легкая хрипотца в голосе не заставила думать о курении, а напоминала прерывистое возбужденное дыхание.

Гаврилин продолжал смотреть на милиционера, бесцельно бродящего между столиками и время от времени вытирающего лицо носовым платком, но думать мог только об этом голосе за спиной.

Его обладательница стояла всего в нескольких сантиметрах от Гаврилина, и тот лихорадочно выбирал одно из двух: обернуться и попытаться завязать знакомство, рискуя увидеть крокодила в юбке, или сохранить иллюзию прекрасного и всю жизнь корить себя за нерешительность. Тут было еще несколько проблем.

Где-то краем сознания Гаврилин продолжал ощущать себя исполняющим ответственное задание, но этот край становился все меньше и меньше. С другой стороны, если бы Гаврилин решился познакомиться с этой сиреной, то нужно было срочно придумывать повод для знакомства, достаточно оригинальный, чтобы не быть скучным, и, вместе с тем, ясно дающий понять незнакомке, что она произвела неизгладимое впечатление, и с ней хотят познакомиться.

Пока Гаврилин разрывался между остатками чувства долга и желанием, его плеча коснулась рука, и тот же голос, уже несколько тише, но от того еще более волнующе, спросил: «Простите, молодой человек, который сейчас может быть час?».

Вот теперь еще и рука. Это просто какой-то кошмар. Не может обычный человек выдержать столько всего сразу. Гаврилин медленно поднимал левую руку с часами к лицу, а краем глаза пытался рассмотреть пальцы, лежащие на своем плече. Искры от этих пальцев не разлетались, но плечо стало покалывать, как от электрического разряда. «Попрут меня со службы,» – обреченно подумал Гаврилин и обернулся.

Так стало еще хуже. Если перед этим Гаврилин чувствовал себя раздвоенным, то теперь это чувство прошло. Гаврилин понял: все происходящее его просто не интересует. Убийство, жара, потный старший лейтенант преклонного возраста, труп в дверях павильона, увлеченные пересуды зевак – все это разом стало неважным и неинтересным. Более того, даже возможное увольнение со службы вдруг показалось не столь уж кошмарным.

– Половина первого, – выдавил из себя Гаврилин. Он обернулся довольно резко, но пальцы с его плеча не исчезли. В голове Гаврилина вяло щелкнул автомат по составлению словесных портретов, но дальше констатации длинных русых волос, овального лица и роста около метра семидесяти дело не пошло. «Спасибо!» – пальцы неторопливо и будто бы даже с сожалением скользнули с плеча Гаврилина.

Темные очки не позволили рассмотреть выражение глаз собеседницы, но Гаврилин готов был поклясться, что глаза эти скользнули по его лицу, шее, груди, ниже, немного задержались там и снова вернулись к лицу.

– Жарко сегодня, – неожиданно для себя сказал Гаврилин.

– Не нужно стоять на самом солнцепеке.

– Не нужно, – согласился Гаврилин, – но ведь интересно, что дальше будет.

– А ничего дальше не будет. Сейчас приедут менты и всех отсюда разгонят.

В голосе женщины звучала уверенность. Гаврилин не стал уточнять, чем такая уверенность вызвана. Он ругал себя в душе последними словами за то, что не надел темные очки. Теперь приходилось рассматривать собеседницу украдкой. А она наблюдала за муками Гаврилина с легкой улыбкой.

Явно местная. Приезжие в такое время должны быть на пляже. Кроме этого – загар ровный, но не очень яркий. Как и все местные жители, она ходит на пляж не так часто и пролеживает на солнце гораздо меньше времени по сравнению с приезжими. Тем нужно торопиться, а местным море уже не кажется таким экзотичным. Кроме этого, у ее ног стояло пустое мусорное ведро. Курортники же столь низменными делами не занимаются.

– Неужели так интересно посмотреть, что здесь будут делать менты? – выдержав небольшую паузу, спросила дама.

– Ну... – нейтрально протянул Гаврилин.

– Это ваше «ну» можно расценить, как «очень интересно». Но стоять на такой жаре – вредно для здоровья. Вы поставили меня просто в безвыходное положение. Есть только один способ удовлетворить и вас, и меня.

– Ч-что? – не понял Гаврилин.

– Есть единственный способ одновременно удовлетворить ваше любопытство и мое желание спасти вас от солнечного удара, – дама откровенно наслаждалась растерянностью Гаврилина, – окна моей квартиры выходят прямо сюда. Если вы поможете донести ко мне домой ведро, то я предоставлю вам самое лучшее место возле окна. И если вы попросите, даже смогу предоставить стакан чего-нибудь холодного.

Не дожидаясь ответа Гаврилина, она повернулась и неторопливо двинулась в сторону ближайшей пятиэтажки.

Как идет! Шаг от бедра, тело движется с тягучей истомой, и каждое движение ее бедер звоном отдается в голове у Гаврилина. В теле мужчины есть два жизненно важных органа – голова и член, вспомнил старую шутку Гаврилин. И самой большой недоработкой Господа является то, что одновременно пользоваться этими жизненно важными органами мужчина не научится никогда. Осознав всю глубину своего падения, Гаврилин поднял с земли ведро, оставленное незнакомкой, и, надеясь, что идет не слишком быстро, пошел к дому.

За спиной раздался невнятный крик. Гаврилин не оборачиваясь дошел до подъезда, возле которого стояла обольстительница.

– Там что-то мент раскричался.

– Это не мент, – сказала дама, – это мусор.

Палач

Даше было плохо. Ее колотил озноб, и тело выгибала судорога. Дыхание стало прерывистым и хриплым. Она уже не пыталась прикоснуться к Палачу и не просила его. Она ждала, и Палач знал, чего ей стоило это ожидание.

Всякий раз после очередного убийства Дашу охватывало такое возбуждение, и был только один способ это возбуждение снять.

Нужно было торопиться. Каждая секунда задержки приносила Даше новые мучения. Каждое ее дыхание было стоном. Она крепко сжала кулаки. Потом на ладонях будут следы от ногтей, и следы эти сойдут не сразу.

Палачу как-то намекнули, что Даша может подвести всех. Палач ничего не ответил. Когда к этому разговору вернулись снова, Палач спокойно взглянул в глаза собеседника и тихо поинтересовался, имеет ли он право сам выбирать оружие для выполнения заданий. И так же тихо попросил рассматривать Дашу, как свое оружие. И люди еще раз продемонстрировали свою слабость перед оружием – разговоры прекратились.

Странно. Палач старался не задумываться о своих отношениях с Дашей, но иногда в голову его приходило недоуменное осознание того, что с точки зрения Даши он – единственный человек, которому можно доверять. Лишь он один относился к Даше как к человеку. У нее однажды вырвались такие слова. Палач не засмеялся тогда, но было действительно странным ожидать человеческого отношения от того, для кого само слово «человек» было синонимом ненадежной грязи.

И Даша считала, что он относится к ней как к человеку тогда, когда Палач относился к ней как к оружию. Надежному и смертельно опасному. И он не мог относиться к ней иначе, потому, что и себя считал оружием.

Человеком был тот, кто восемь лет назад искалечил ее. Людьми были те, кто после этого отнеслись к Даше как к уроду и не смогли понять, даже не попытались понять, что может чувствовать семнадцатилетняя девчонка после всего происшедшего с ней.

Некоторые, считавшие себя особенно душевными, попытались ее даже жалеть и этим чуть не убили ее окончательно. Люди всегда кого-нибудь хотят убить, даже если для этого нужно сделать вид, что им жалко свою жертву.

Вот и сейчас они пытаются убить Дашу, запрудив узкие улицы городка машинами. Они едут по своим важным человеческим делам, и им совершенно нет дела до того, что Даша мучается, что она молча терпит эту муку, а по ее щекам текут слезы.

Палач закрыл глаза. Его охватило мучительное чувство бессилия. Он не мог помочь своему оружию немедленно. До ее гостиницы таким темпом они доберутся только минут через десять. И это будут мучительные минуты.

Потерпи, маленькая. Палач ненавидел эти человеческие словечки, но Даше, особенно в такие моменты, они были очень нужны, и Палач произносил их, словно выполнял процедуру по уходу за оружием. Сейчас он произнес их про себя, по привычке. В слух сейчас их нельзя было произносить: это могло только увеличить Дашины страдания.

Палач наклонился к водителю:

– Высадишь нас возле «Юга» и поедешь на стоянку. Оружие почистишь и спрячешь. Собери вещи и будь готов к выезду сегодня. Я буду часа через четыре, не раньше. Если задержусь – без паники. Что-то Даше сегодня особенно плохо. Может быть, мне придется задержаться. Тогда на связь выйдешь ты. Сообщишь, что работу выполнили и получишь новые указания. После этого вернешься домой и будешь меня ждать.

Водитель молча кивнул. Все это было неоднократно оговорено – этот инструктаж для Володи был знаком того, что Палач волнуется. Сам Володя тоже волновался. На свете было только два человека среди живых, которые что-то для него значили. И Даша была одним из них.

Такую беспомощность Даши Володя воспринимал как свою собственную боль и с трудом подавлял желание нажать на клаксон или рвануть к гостинице по тротуарам. Даша мучалась, и из-за нее мучался Палач. Володя сжал руль и беззвучно шептал самые страшные ругательства, глядя на медленно ползущие по дороге машины.

Въезд на стоянку гостиницы был, естественно, перекрыт каким-то грузовиком. Палач осторожно коснулся Дашиного плеча:

– Отсюда дойдешь?

– Дойду, – судорожно сглотнув, прошептала Даша и открыла дверцу машины, – только, пожалуйста, иди быстрее.

Палач подождал, пока Даша отойдет на несколько шагов, поднял с сидения ее сумочку, хлопнул Володю по плечу и тоже вышел из машины.

Яркая, привлекательная Даша двигалась будто во сне. Она будто бы не доверяла своему телу. А, может быть, тело действительно отказывалось повиноваться ей. Палач нагнал Дашу возле стойки портье.

– Это с вами? – спросил портье у Даши.

– Да.

Портье протянул Даше ключ, и она взяла его очень осторожно, стараясь не прикоснуться к руке портье. Ее номер был на втором этаже. Палач и Даша медленно поднялись по лестнице, застеленной выцветавшей красной ковровой дорожкой, прошли мимо стола дежурной по этажу. Дежурная оторвала взгляд от лежащего перед ней журнала и спросила недовольным голосом: « В какой номер?». Дежурная великолепно знала, что Даша уже две недели живет в двести восьмом номере, но душа требовала выразить свое отношение к происходящему хотя бы интонацией. А, по мнению дежурной, происходило следующее: заезжая проститутка наконец-то привела к себе клиента.

По твердому убеждению дежурной, всякая красивая девка, а тем более, в одиночку приехавшая на курорт, являлась блядью. Некоторые просто умудрялись скрывать свою сущность, но от этого не переставали быть шлюхами. Что с того, что она не водила две недели никого к себе в номер? Значит, она обслуживала клиентов под кустами или в машинах. А, может быть, и в кабаках под столиками.

Ольга Семеновна, дежурная по второму этажу гостиницы «Юг», была уверена в том, что все люди, кроме нее, естественно, только и ждут, чтобы напакостить, а все женщины, кроме, опять-таки, нее, ищут возможности, чтобы задрать юбку перед первым встречным или, как минимум, поработать ртом. Ольга Семеновна имела основания так думать.

Во-первых, она сама брала с проституток деньги за использование пустующих номеров на этаже, а, во-вторых, ей об этом регулярно рассказывал муж, старший лейтенант милиции Игорь Иванович Мусоргский.

Ольга Семеновна проводила парочку взглядом до самых дверей и решила, если эта проститутка ей ничего не заплатит, сообщить о ней Марине. Та не любит, когда у ее девок появляются конкурентки.

Глава 2

Суета

Приморские курорты не располагают к суете. Жара очень эффективно распределяет силы всех обитателей, как временных, так и постоянных. Первые лезут вон из кожи, очень часто в прямом смысле, чтобы не потерять ни миллиграмма солнечной радиации. Они приходят на пляж и уже не могут суетиться, придавленные раскаленной сковородой неба к песку.

Вторые – тоже очень стараются, но только для того, чтобы провести как можно больше времени в тени. Солнце для них не роскошь, а чаще всего досадная помеха. В глубине души, естественно, местные жители понимают, что при отсутствии жары курортники никогда не появятся на пыльных улицах их городка, но это знание существует на равных правах с неприязнью к горластым бездельникам и необходимостью заработать как можно больше денег за три месяца сезона. Но даже жажда заработка не может заставить местных жителей суетиться среди раскаленного до бела дня. Для энергичных действий отводится либо раннее утро, либо ночь.

Такой режим накладывает свой отпечаток и на расписание криминальной жизни. Преступления обычно совершаются в темное время суток. И прячутся они не столько от чужих глаз, сколько от жары. стакан вина выпитый в полдень заставляет подумать о покое, та же доза после захода солнца толкает на подвиги и романтические поступки. Местные жители не совершают преступлений днем, так как заняты работой, приезжие – не желая отрываться от отдыха. Иногда обоим категориям удастся совершить что-нибудь криминальное и под солнечными лучами, но это происходит либо по недоразумению, либо по неудачному стечению обстоятельств.

Деятельность милиции в курортных городах подчинена общему графику. Днем выполняется необходимая волокита с бумагами, решаются текущие вопросы, и только с заходом солнца начинается основная работа. Любое нарушение установленного режима вызывает раздражение. Затеявший драку на улице сразу после обеда рискует получить по ребрам гораздо энергичнее, чем в другое время суток. Патрульных, вынужденных отрываться от прохладительных напитков в кафешках и бредущих по жаре к месту происшествия никакая инструкция не сможет заставить удержаться от дополнительных пинков. Курортные города не любят суеты. И стараются не суетиться.

Но обстоятельства бывают сильнее привычек. Особенно, если эти обстоятельства имеют вид девяти трупов на залитом кровью полу кафе. Начальник городского управления внутренних дел не был настроен срываться со своего рабочего места и мчаться по жаре в другой конец города даже если бы началось землетрясение. Землетрясения не входили напрямую в его компетенцию и личного присутствия на месте происшествия не требовали. В кабинете работал кондиционер, в холодильнике было несколько бутылок газировки, криминогенная обстановка в городе была вышестоящим начальством признана как более чем удовлетворительная и суть сообщения из кафе «Южанка» дошла до подполковника Симоненко не сразу.

Этого просто не могло быть. Не потому, что этого не могло быть в его городе никогда, (в городе происходили разные вещи, попадавшие в официальные сводки далеко не всегда) этого не могло быть в такую пору. Ни один нормальный человек не станет отправлять на тот свет такую уйму людей в такое неудачное время.

Одной из самых неприятных частей происшествия была необходимость сообщить о случившемся мэру города. Симоненко повидал на своем веку немало и место свое заработал не сидя в кабинете, но разговор на подобные темы с мэром мог повлечь за собой весьма и весьма

большие неприятности. Симоненко тяжело вздохнул и набрал номер сотового телефона мэра. Такие новости лучше всего направлять напрямую.

– Да? – спросил мэр.

– Здравствуйте, Олег Анатольевич, я вас не от чего важного не оторвал?

– Что-то случилось, Андрей Николаевич?

«Конечно случилось!» – подумал зло Симоненко. Как будто он каждый день звонит по прямому телефону хозяину города. Мэр великолепно понимает, что только чрезвычайные обстоятельства могут заставить кого бы то ни было отрывать мэра от дел. Симоненко сглотнул, пригладил редкие волосы и стараясь говорить спокойно, сказал:

– У нас очень серьезное происшествие. В кафе «Южанка» совершено убийство.

– Плохо, – спокойно сказал мэр. Это все?

Симоненко поднял глаза к потолку и пошевелил губами.

– Это все? – снова переспросил мэр.

Что ему какое-то убийство? Он и сам... Симоненко оборвал эту мысль, переложил трубку в левую руку, а ладонь правой вытер о брюки.

– Там девять трупов.

– Сколько?

– Девять. Во всяком случае так мне сообщили.

– И вы до сих пор не там?

– Я решил перезвонить вам сразу же, как только получил сообщение. Сейчас выезжаю.

– Очень хорошо. Как только что-нибудь выясните – немедленно сообщите. По этому же телефону. Я буду ждать.

Симоненко вышел из кабинета. Мэр ждет сообщения. Подполковник выругал подвернувшегося на пути лейтенанта и быстрым шагом вышел на улицу. На пороге ослепительное солнце ударило его в лицо, и Симоненко на секунду зажмурился. Спокойная жизнь тянулась слишком долго. Симоненко давно ожидал катастрофы. Слишком спокойно было у них в городе. Даже он, подполковник милиции, почти поверил в то, что Королю удастся устоять самому и удержать город. «Только бы не разборки» – подумал Симоненко. Пусть будет все, что угодно. Пусть это будут террористы или грабители. Только бы это не оказалось началом войны между группировками! Симоненко сел на переднее сидение «волги» и машина тронулась. Подполковник покосился на водителя. Тот, не спрашивая ничего, вел машину в сторону «Южанки». В управлении уже знают все. Через час об этом уже будет знать весь город.

– Включи сирену! – приказал Симоненко.

Мусор

Старший лейтенант милиции Игорь Иванович Мусоргский кричал не очень часто. Требовалось обычно нечто неординарное, чтобы Мусоргский сорвался на крик. В обычных условиях Мусоргский был человеком уравновешенным и спокойным. Состояние, близкое к истерике могло возникнуть у него только в том случае, когда неприятности угрожали ему лично. Или кто-то пытался нарушить правила, которые Мусоргский установил для окружающих. В этих случаях старший лейтенант мог совершить все что угодно.

Чаще всего, когда Мусоргский кричал, это значило, что он просто хочет быть услышанным на большое расстояние. Или стремился перекрыть что-либо. Те, кто знал Мусоргского хорошо, услышав любую фразу из его уст старался выполнить требуемое – мстительность Мусоргского вошла в поговорку. Он мог вынашивать свою ненависть месяцами, и она от этого не становилась менее жгучей.

Еще Мусоргский иногда кричал на свою жену. Не часто – она могла поставить на место любого, но иногда, приняв на досуге порцию алкоголя, получив предварительно на службе

очередную выволочку за небрежное отношение к своим служебным обязанностям, старший лейтенант срывался, и даже его супруга испугано замолкала.

В такие минуты Мусоргский вспоминал, что было время, когда у него были друзья, вспоминал, что когда-то люди приглашали его в гости не потому, что хотели его задобрить, а потому, что действительно хотели его видеть. А еще он вспоминал время, когда даже за глаза его называли Игорем.

Мусор. Старший лейтенант знал, что так называют за глаза его все, даже менты. И вовсе не за то, что у него была такая фамилия. Мусор. В принципе, можно привыкнуть к любому прозвищу. Мент, ментозавр, свисток, даже старомодный легавый – легко употреблялись работниками милиции. Более того, «мент» стало чем-то вроде уважительного профессионального прозвища. Но Боже упаси назвать мента в глаза мусором. «Мой мусор у тебя во рту не поместится!» – для начала дежурной фразой ответит мент, а потом предпримет все, чтобы неосторожный запомнил свою ошибку надолго.

Старшего лейтенанта Мусоргского Мусором называли даже менты. Они словно проводили границу между собой и им. И тоже самое делали все остальные. К менам относились по-разному. некоторых боялись, некоторых ненавидели, некоторых даже любили. Мусор вызывал чувство брезгливости и отвращения.

Невысокий, плотный, с вечно красным лицом и блеклыми, почти бесцветными волосами, Мусор не мог произвести особенно благоприятного впечатления. Постоянное недоверчивое выражение лица, брезгливо оттопыренная нижняя губа и бегающие мутно-серые глаза держали людей на расстоянии, а ощутив один раз липкое прикосновение его вечно потных рук люди старательно избегали его рукопожатий. Мусор.

Нельзя сказать, что все относились к нему одинаково. У каждого были свои причины ненавидеть Мусоргского. И Мусор отвечал окружающему его миру нежной взаимностью. А мир старался досадить Мусору и выбирал для этого самые изощренные способы.

Мало того, что он топчется на самом солнцепеке. Мало того, что изгадил новые туфли кровью, мало того, что на его участке лежат девять жмуриков, и теперь придется что-то делать для того, чтобы начальство видело служебное рвение, мало того, что все происходящее могло сказаться на доходах Мусора. Мало всего этого оказалось Мирозданию. Оно еще заботливо проследило за тем, чтобы этот ублюдок облевал половину площадки, и старший лейтенант милиции, при исполнении и на глазах зрителей влез в эту блевотину ногой и поскользнулся.

Когда нога внезапно поехала вперед, Мусор взмахнул рукой, пытаясь удержать равновесие и с грохотом сел на пластиковый столик. Фуражка слетела с головы и покатилась по бетону. Вот тут Мусора и прорвало.

Он отшвырнул в сторону столик, пнул ногой опрокинутый стул и выматерился. Начал свою фразу он тихо, но когда увидел, что фуражка докатилась как раз до порога павильона и остановилась на краю лужи крови...

Мусор подхватил фуражку, почувствовал, как она с легким треском отлипает от загустевшей крови и понял, что теперь еще и фуражка испачкалась в крови. Мусор резко обернулся к зевакам и успел заметить ухмылки на лицах некоторых из них.

– Что пялитесь? – взревел Мусор. – На хер отсюда, ублюдки. Что лыбишься, пидер? Хлебало начистить?

Мусоргский двинулся на людей, и тем показалось, что сейчас он начнет быть всех подряд, без разбора. Люди попятились.

– Тебе смешно? – спросил Мусор у Малявки, местного пропойцы, выбрав, наконец, жертву.

– Я? Нет, ну что ты, вы, – Малявка перепугался насмерть и попытался спрятаться за чью-то спину. – Я никогда, честное слово, ну ты же, ну вы же... Ну Мус...

– Что ты сказал? – Малявка допустил самую страшную ошибку – он почти произнес вслух кличку Мусоргского и умудрился это сделать при свидетелях.

– Я... ничего, ну бля буду, ничего. Ну что вы, Игорь Иванович, – Малявка с перепугу вспомнил даже имя отчество Мусора, но это уже не могло его спасти от расправы. Как не могло спасти и появление возле кафе оперативный машин и дежурной бригады. Расправа была только отложена.

– Что тут у тебя, Мусоргский? – спросил приехавший следователь.

Мусоргский оторвал взгляд от побелевшего лица Малявки и обернулся к приехавшим:

– У меня тут куча покойников.

– Не так громко, Мусоргский.

– Сколько нужно трупов, чтобы получилась куча? – сам у себя спросил судмедэксперт у входа в павильон. А потом, увидев, что именно там творится, оглянулся на следователя и сам себе ответил:

– Ровно столько.

Следователь заглянул через плечо судмедэксперта и сказал:

– Тут трупов хватит и на две кучи.

– Согласен, – ответил эксперт, – но эти две кучи будут менее внушительными.

Палач

В такие минуты Палач испытывал двойственные чувства. Он понимал, что иначе нельзя, что иначе Даша просто не сможет жить и, что делает он единственно правильное в данном случае. И одновременно он ненавидел себя в эти минуты. Он был вынужден играть роль того, кого ненавидел всеми силами.

Люди. Он не мог избавиться от них даже в минуты своей победы над ними. Люди цепко, словно болото, удерживали его в себе, вынуждая... Палач придумывал названия для всех своих действий и это помогало ему отстраниться от толпы, он изо всех сил старался смыть с себя стадную грязь. Он не такой как они. Они мягкие, злобные, подлые и ненадежные. Он – уверенный, рациональный, бесстрастный. Хотя бесстрастным удавалось оставаться очень редко.

Убивая, Палач не испытывал ненависти к конкретной жертве. Она была лишь частью толпы. Частью безликой и ничтожной. Ненавидя все человечество в целом, каждого его представителя Палач презирал. Он был выше их хотя бы потому, что не путал цели и средства. Люди полагали, что их копание в собственном дерьме есть главная цель природы.

Хотя, с точки зрения Палача, максимум, что могли сделать люди, это унавозить почву для будущего. Каким будет это будущее, Палач не знал и даже не задумывался. Он просто хотел, чтобы у людей не было будущего. Чтобы они не могли больше делать то, что они сделали с Дашей. То, что теперь он вынужден с ней делать.

Шагнув в номер вслед за Дашей, Палач успел только повернуть ключ в замке. Еще не обернувшись, Палач знал, что сейчас произойдет. Даша ударила. Он обернулся и второй удар пришелся уже по лицу. Пощечина. Даша била, словно и не было несколько лет изнуряющих тренировок, словно это не она могла легко справиться с несколькими противниками.

Даша снова была семнадцатилетней девочкой. И снова она оказалась один на один со своим ужасом, бессильная и испуганная. Палач видел в ее глазах ужас и безысходность. Даша видела не его, она видела лицо того ублюдка. И она пыталась защитит себя, так же, как тогда.

Удар, снова удар. Ногти скользнули по его груди, оставляя царапины. Как всегда. И как всегда Палач медлил. Пощечина. Бессильные кулаки заколотили его по груди. Он должен. Он должен, должен, должен, должен. Сволочи. Он должен насиловать, чтобы хоть чуть-чуть исправить зло, причиненное Даше этим зверьем.

Палач постоял несколько секунд, зажмурившись, ощущая Дашины удары и чувствуя, как нарастает ее ужас и одновременно возбуждение. Потом Палач ударил. Несильно, скорее толкнул Дашу к кровати. Как всегда. Он словно попал в петлю времени и был вынужден бесконечно проходить через это и вести за собой Дашу. Только так он мог ее спасти. Хотя бы на время.

Даша отступила, вскрикнув и закрыв лицо руками. Палач толкнул ее снова, и Даша, натолкнувшись ногами на край кровати, упала. «Нет, – жалобно сказала она, – не нужно, пожалуйста, не нужно!».

Детский голос. Когда Палач впервые делал это, он остановился после этих слов. Его словно обожгло и он не смог заставить себя причинить Даше боль. А потом долго приводил ее в чувство, несколько бесконечных часов пытался вывести ее вначале из истерики, а потом из почти коматозного состояния. И уже после того, как она смогла взглянуть на него осмысленно, еще несколько дней он сидел возле ее кровати и наблюдал, как борются в ней разум и безумие.

До этого момента он еще мог ее щадить. Еще мог только делать вид, что бьет ее. Но теперь... Будьте вы прокляты. Ненавижу. Это ведь только Даша сейчас не понимает что происходит. Это только она находится в плену кошмара. а он все понимает и все чувствует. Он чувствует и дрожь ее тела, ощущает запах ее страха и возбуждения, слышит ее тяжелое дыхание и стон: «Не нужно, пожалуйста, не нужно».

Даша попыталась вскочить. Удар. На этот раз он ударил сильно, так, что дыхание ее пресеклось, и она прижала руки к груди. Палач схватил ее за волосы и опрокинул на спину. «Нет, нет, нет, нет...» – шептала она все чаще и чаще. Для нее существовало теперь только это слово и его руки. И боль, которая рождала ее проклятие, ее наказание, ее возбуждение.

Боль. Теперь он должен причинить ей боль. Он должен причинить боль той, за которую готов был отдать жизнь. Проклятье. Продолжая выгибать ее тело назад, Палач скользнул рукой вдоль бедра Даши. Она сжала ноги. Ненавижу. За что это ему. Ведь он просто оружие. Он не может... Вернее, он не хочет. И все равно продолжает. Он сильный. Он выдержит. Он оружие и инструмент.

Даша вскрикнула, когда он вошел в нее. Ноги ее обхватили его бедра, то ли пытаясь остановить, то ли прижимаясь сильнее. Палач положил руку на Дашину грудь, и тут же ее рука легла сверху. С силой сдавила. И снова было невозможно понять – хочет ли она его остановить или помогает причинить себе боль.

Нет, нет, нет, нет! Все чаще и чаще. Даша извивалась под ним. Боль. Ей сейчас нужна боль. И она боится этой боли. Ее левая рука, опустилась вдоль его тела, раздирая кожу в кровь. Потом пальцы коснулись его плоти. Палач знал, что это произойдет. Это происходило всегда.

Даша выталкивала его из себя только для того, чтобы он мог войти в нее по-другому, чтобы боль стала невыносимой и, наконец, принесла ей облегчение. Палач знал, что в тот момент, когда он будет входить в нее, резко и грубо, Даша забудет обо всем, кроме своей боли и своей правой руки. А ее правая рука, как и тогда, много лет назад, будет шарить по кровати в поисках ножа. Даша будет пытаться дотянуться до ножа, не найдет его, но пальцы все равно сомкнутся вокруг несуществующей рукоятки, и правая ее рука резко ударит его в бок, под левую руку. Так было всегда. Так будет всегда. Палач почувствовал удар.

Для него это было сигналом. Он застонал, и тело его несколько раз дернулось, словно в агонии. И отзываясь на его движение, ее тело выгнулось, по нему прошла судорога оргазма. Наслаждение и отвращение. Палач никогда не спрашивал Дашу о том, что именно она ощущает в эти секунды и тем более никогда не спрашивал ее о том, что испытала она тогда, в тот раз. Но он все равно понимал ее. По той причине, что и сам ощущал нечто подобное. Острое наслаждение и ненависть. Возбуждение и отвращение. Как и она. Только ненавидел он в эти мгновения себя, свое тело, свой мозг, которые не могут справиться с инстинктами.

Он не хотел, не имел права испытывать наслаждение от происходящего. И испытывал его. Никогда и ни с кем у него не возникало желания причинить боль ради собственного насла-

ждения. Да и не возбуждало его насилие никогда. Кроме вот этих минут с Дашей. Когда с ним это произошло первый раз, когда первый раз настиг его оргазм одновременно с Дашиным ударом, когда понял он, что ему не нужно притворяться и изображать предсмертные судороги, Палача стошнило.

Даша затихла. Теперь она будет спать несколько часов и в это время он должен быть возле нее. Только в эти несколько часов забвения Даша будет просто женщиной, которой не нужно ничего, кроме нежности. Сквозь сон она будет искать его руку, прижиматься к ней губами, а он, Палач, будет осторожно гладить ее волосы и плечи, будет слушать ее дыхание. Иногда она даже разговаривает во сне, детским голосом рассказывает о чем-то, а он старается не слушать, того, что она говорит.

Даша уснула, а Палач лежал рядом и думал. Сегодня они уедут из этого города. И он снова будет ждать нового задания, которое позволит увеличить свой счет в войне с людьми. Палач редко о чем жалел. Но было одно, чего он не мог забыть, и что выводило его из равновесия.

Он не мог отомстить тому насильнику, который сделал это с Дашей. Он не мог этого сделать потому, что это сделала сама Даша и тем обрекла себя на муки. Тогда ей удалось нашить нож. Не сразу, потому, что сначала она пыталась упрямить насильника, а потом пыталась его оттолкнуть.

Лишь когда боль стала невыносимой и пришло осознание того, что Это уже произошло, Даша попыталась дотянуться до ножа, который валялся рядом, и это ей удалось не сразу, несколько раз пальцы только скользнули по нему.

Ей было очень больно и страшно. Она боялась, что насильник увидит, как она тянется за ножом и сделает что-то еще более страшное. И страх этот перешел в возбуждение, которое росло, росло пока не выплеснулось наружу в тот момент, когда она ударила этого человека ножом.

Нож легко скользнул между ребрами и человек тот забился в агонии, навсегда запечатлев в ее памяти обжигающее, отвратительно-сладостное чувство.

Дашу нашли через несколько часов. Она не смогла сбросить с себя двадцатикилограммовую тушу убитого. Так ее и нашли – в крови его и своей. Что она пережила за эти часы, то теряя сознание, то снова приходя в себя и ощущая на себе его тяжесть? Она не говорила никому. Палач тоже не знал этого. Он знал только, что сердобольная общественность попыталась вылечить ее, когда стало заметно, что Даша необыкновенно холодна.

Ее потащили сначала к сексопатологу, потом к психиатру. Те честно попытались ей помочь, но... Это было не в их силах. Они посоветовали родственникам помочь забыть Даше тот кошмар, но она не могла его забыть, потому, что не могла забыть того чувства, тех проклятых секунд, когда тело ее сотрясало в спазмах, рожденных страхом, болью и возбуждением.

Она помнила то ощущение и понимала, что не сможет его больше испытать. Слово лед заполнил ее мозг и ее тело, и она не знала чем этот лед можно растопить.

Попытки почувствовать себя женщиной привели к нескольким нервным срывам. Она не могла почувствовать от мужских прикосновений ничего, кроме отвращения. И никто не мог ей помочь. Кроме Палача. Ему подсказал знакомый психиатр.

«Если она никого в ближайшее время не убьет, – сказал он, шутя лишь наполовину, – то умрет сама». Палач внимательно присмотрелся к Даше и дал ей возможность убить.

После этого Даша исчезла для знакомых и друзей и стала членом группы Палача. Его оружием и его проклятием. И Даша, и Палач знали, что только так она может выжить. Только отнимая чужую жизнь. И только смерть снимет с нее это проклятие.

Палач хотел ощущать себя оружием. Он не хотел быть ни символом смерти ни символом жизни. Он старался относиться к Даше тоже как к оружию, и это ему удавалось. Кроме тех минут, когда он был вынужден играть роль насильника. В эти минуты он ненавидел себя. А ее... Ее он любил.

Кровь

Когда подполковник Симоненко приехал к «Южанке», работа внутри павильона еще не началась. Эксперт задумчиво топтался возле двери, фотографируя лежащий на пороге труп, следователь записывал невнятные показания единственной свидетельницы, а Мусоргский при поддержке трех сержантов разгонял толпу зрителей. Местные ушли почти сразу, поймав на себе запоминающий взгляд старшего лейтенанта, а те немногие из приезжих, кто в этот момент не находился на пляже, а стоял возле заборчика летней площадки, стали расходиться только после того, как прочитали на лицах милиционеров мрачную и раздраженную решимость применить дубинки в случае неповиновения.

– Что там внутри? – сходу спросил Симоненко.

– Насколько я смог рассмотреть отсюда, – оторвавшись от видеоискателя потертого «зенита» сказал эксперт, – там мы имеем несколько трупов.

Эксперту не стоило этого говорить. Симоненко побелел и, тяжело глядя в глаза эксперта, с нажимом спросил:

– Что значит, насколько вы смогли рассмотреть отсюда. Вы что не входили вовнутрь?

– Там все залито кровью, – механически продолжил эксперт, уже понимая, что напрасно он взял такой тон, – ждем, когда подсохнет.

Следователь от столика оглянулся через плечо на подполковника, потом отвернулся и сделал вид, что очень увлечен блеяньем свидетельницы.

– Подсохнет? – переспросил Симоненко. Он не взорвался только потому, что понимал причину этого не очень большого рвения. И следователь, и эксперт, только заглянув вовнутрь, поняли, что дело намечается неприятное, и никто из них не захотел совершать ошибки и слишком подробно вникать в него без прямого указания начальства.

Тем более, что начальство, как им сообщили, должно было прибыть с минуты на минуту. И прибыло, уже изначально раздраженное и злое. В таких случаях лучше получить по голове за недостаточное рвение, чем за избыточную инициативу.

Симоненко прекрасно это понимал, более того, если бы у него был выбор, он бы предпочел не иметь дела с этим убийством. Он не знал пока ни имен убитых, ни, тем более, имен убийц, но он понимал, что такое количество трупов свидетельствует о грядущих неприятностях гигантского размера.

Симоненко потоптался возле входа в павильон. Из дверей тянуло смесью запахов крови, сгоревшего пороха и спиртного. Симоненко наклонился над убитым на пороге. Откинул полу пиджака и обнаружил то, что и ожидал – кобуру.

Девятимиллиметровая «беретта» – круто и экзотично. Симоненко перевел взгляд с оружия на лицо и вздрогнул. Лицо показалось ему смутно знакомым. Возраст: двадцать пять – двадцать семь, волосы светло-русые, во всяком случае, при жизни были такими, сейчас большая часть короткой прически почернела от крови, чуть раскосый разрез глаз, глаза – серые. «Старым становлюсь, память подводит, – «недовольно подумал Симоненко. Очень знакомое лицо. Неместный, но лицо очень знакомо. Несмотря на жару, Симоненко почувствовал легкий озноб. Уже понимая, надеяться не на что, и жизнь, не только его, но и десятков других людей, изменится до неузнаваемости, Симоненко все еще пытался держать эту мысль на расстоянии.

Он медлил перед дверью вовсе не потому, что боялся испортить легкие светлые туфли, как подумал эксперт. Подполковник боялся узнать в ком-нибудь из убитых знакомого.

На лицо села здоровенная черная муха. Симоненко брезгливо смахнул ее с потного лба и переступил через откинутую руку убитого. С яркого света полумрак бара показался почти темнотой, и Симоненко остановился. На него тут же набросились мухи. Подполковника пере-дернуло. Он помотал головой и огляделся.

Трое за крайним столиком отреагировать на убийцу, по-видимому, не успели. Двое лежали лицом вниз – их Симоненко переворачивать не стал. Один лежал на спине, но его лицо было совершенно незнакомо. Симоненко шагнул к стойке бара, и под ногой чавкнуло.

На втором шаге под ногу попало что-то круглое, и подполковник с трудом сохранил равновесие. Гильзы. Ясно дело. Чтобы натворить такого, нужно было рассыпать много гильз.

Четвертый покойник сидел на полу возле стойки. Раны были на груди – он успел обернуться к двери, но только обернуться. Симоненко повернулся было к столику слева, но тут обратил внимание на брызги крови, покрывавшие стену, выставку бутылок и плакат на задней стене.

Не прикасаясь ни к чему, Симоненко заглянул за стойку. Бармену не повезло. Теперь Витек уже никогда не будет прятать под стойкой легкую наркоту и не будет потихоньку постукивать на своих приятелей в милицию. Теперь Витек кормит своей кровью мух, а скоро начнет кормить червей.

Лицо еще одного опознанию не поддавалось. Его явно выделили из всей группы – остальные получили максимум по три пули, а на этого не пожалели с десятком. Придется искать по отпечаткам, или по документам, если они у него есть. Кстати о документах.

Подполковник осторожно обследовал внутренние карманы убитого и вытащил бумажник. Естественно, баксы, паспорт... Фотография и фамилия. Симоненко сглотнул. Пол под ногами покачнулся. Он предполагал, что ничего хорошего не будет, но даже не думал, что все будет настолько плохо.

Симоненко направился было к выходу, но в последнюю секунду остановился и присмотрелся к тому, кто лежал чуть в стороне. Мастер. Симоненко выматерился. Потом выматерился снова, на этот раз в слух. Все было не просто плохо. Все было очень и очень плохо. Только бы не разборка, мечтал по дороге сюда Симоненко. Война, понял он сразу и удивился, что не очень испугался.

Симоненко всегда старался быть рациональным и пунктуальным. Проблемы должны решаться по мере их возникновения и решать их должны те, у кого это лучше всего получается. Эту проблему будут решать все, но принимать решение будет Король. Он же мэр. Он же...

Симоненко сунул бумажник в карман и вышел из павильона.

– Я поехал в мэрию. Сюда никого не пускать. Если кто будет болтать – пристрелю как собаку. Свидетельницу – в управление. А здесь все вылизать. До миллиметра. Если что-нибудь пропустите – пеняйте на себя. Через два часа у меня должны быть имена всех убитых.

По телефону мэру Симоненко решил не звонить. О таких вещах лучше говорить с глазу на глаз.

Наблюдатель

Вот так всегда. Одного и того же можно добиться разными способами – простым и сложным. Элементарные познания в математике дают возможность вычислить вероятность неправильного выбора из двух вариантов как пятьдесят процентов. Любая лотерея с такой вероятностью выигрыша разорилась бы сразу же, но только не в случае с Гаврилину. На его долю обычно выпадают только сложные способы. Для того, чтобы наблюдать все происходящее в кафе на летней площадке ему пришлось сидеть почти час на самом солнцепеке. Со всеми вытекающими отсюда духотой, потом, раскаленным пластиком стола и стула и резьбой в глазах. Хотя в рези глаз виноват сам – не нужно было забывать солнцезащитные очки. И в это же самое время кое-кто мог спокойно сидеть у окна на третьем этаже, под струей прохладного воздуха из кондиционера и наблюдать все происходящее как из театральной ложи. Начальство бесцеремонно и непреклонно.

Нет, чтобы действительно обеспечить комфортабельное место для выполнения своего служебного долга. Гаврилин сидел у окна в кресле и убеждался, что хозяйка квартиры была совершенно права.

Милиция разогнала зевак и стала заниматься рутинным делом описания места преступления. Приехавший начальник милиции провел в кафе всего минут десять и уехал. Начальник милиции был похож на начальника милиции в штатском, и Гаврилин смог бы его вычислить даже и без подсказки.

Подполковник Симоненко носил на себе отпечаток своей милицейской биографии, как индеец бы носил свою боевую раскраску. Опер он и есть опер. Только этому в связи с заслугами и служебным рвением приказали сидеть в отдельном кабинете и ездить на «волге».

Некоторые оперативники не выдерживают подобной смены в ритме жизни и превращаются в носителей регалий, а другие продолжают вести оперативную работу среди преступников, среди своих сотрудников и внутри себя.

Симоненко, похоже, относился ко второй категории. Очень уверенный в движениях человек. И, судя по тому, что хозяйка квартиры назвала его не ментом и не мусором, а по званию и фамилии, подполковник пользовался среди местного населения некоторым уважением.

Вообще, хозяйка квартиры к терминам относилась аккуратно. Гаврилина покорило ее деление милиции на ментов и мусоров. Было в этом что-то личное, заставляющее подумать, что есть у хозяйки веские основания так называть блеклого старшего лейтенанта, судя по всему местного участкового.

Гаврилину было очень стыдно, но задуматься об этом он смог только после того, как сел в кресло у окна и хозяйка исчезла из его поля зрения. Когда ее формы маячили перед глазами Гаврилина ни о чем другом он думать не мог. Не получалось.

Так нельзя. Нужно очень серьезно относиться к полученным приказам и не на секунду не отвлекаться от... Да, как говорил один приятель, я бы ей отдался. Сходу. Без раздумья. Только из-за одного запаха.

Гаврилин тряхнул головой. О чем это он? О серьезном отношении к работе. Трагично, но его рабочее настроение улетучилось сразу, как только она прошла молча у него за спиной. Нужно отвлечься от крамольных мыслей. Начальство само виновато. Для молодых людей длительное воздержание чревато повышенной возбудимостью. Хотя до этого дня Гаврилин не замечал за собой подобного. А тут как с цепи сорвалось.

Вначале та блондинка с пистолетом, потом эта русоволосая. Как, кстати ее зовут? Так, а как, собственно, он собирается рапортовать начальству о сегодняшних событиях? Словесный портрет блондинки – с грехом пополам. Описать человека с автоматом – вот тут возникнут некоторые сложности.

Если честно, то Гаврилин смотрел в тот момент не на него, а на девушку с пистолетом и на беднягу-охранника. Это была первая смерть человека на глазах Гаврилина, и, как бы ни хотелось Гаврилину в этой ситуации выглядеть красиво, он вынужден был констатировать, что шока избежать не удалось.

И чем больше Гаврилин думал о происшедшем, тем больше приходил к выводу, что его очень красиво обвели вокруг пальца. Вся мизансцена была построена таким образом, что все свидетели могли реагировать только таким образом.

Вначале все мужики пялились на прелести дамы, а там было на что посмотреть, а потом все мужики должны были переваривать появление пистолета в руках у дивы и брызг крови из затылка охранника. Мужчина с банальной полиэтиленовой сумкой в руках не мог, естественно, конкурировать по зрелищности с бюстом и ногами красотки, а извлеченный из сумки автомат вызвать большего интереса, чем стреляющий пистолет и падающий навзничь парень в пиджаке.

Даже если бы в кафе оказались женщины, то они либо глазели бы на конкурентку осуждающе, либо отвели бы от нее взгляд, чтобы не расстраиваться. Ну а потом, после первого выстрела, уже было бы не до созерцания.

Что там говорилось на занятиях по тактике? Сочетание времени, места и способа действия? Три пятерки. Плюс еще пятерка за артистизм. Итого двадцать баллов из пятнадцати возможных. И два бала товарищу Гаврилину за внимание и наблюдательность. И единица за отношение к... Впрочем, об этом он уже думал.

– Я тебе обещала чего-нибудь холодного.

Обещала. Это точно. Если бы таким голосом она бы пообещала стакан серной кислоты, Гаврилин все равно не смог бы отказаться. Невероятная женщина. Перешла с Гаврилиным на «ты», пока они молча поднимались на третий этаж. Переход состоялся односторонний, потому, что Гаврилин так и не смог заставить заговорить с ней.

Мучительница подошла к окну и протянула запотевший стакан. Второй был у нее в руке. Стаканы были высокие, рука – изящно очерченная, а глаза у хозяйки были зеленые. Ярко-зеленые и прозрачные.

Такие глаза сравнивают с каким-то драгоценным камнем, но все геологические названия в купе с требованиями инструкций вылетели из головы Гаврилина мгновенно. Он попытался сосредоточить свое внимание на стакане, но взгляд неизбежно возвращался к груди хозяйки дома. Иметь на уровне глаз подобное зрелище – не лучший способ держать себя в руках.

– Это вино, – сказала она, – ты не избегаешь виноградных вин?

– Да, то есть, нет. Не избегаю. – Гаврилин прикинул, сможет ли он встать, как джентльмен в присутствии дамы и при этом не протаранить этой самой даме бюст – слишком близко подошла она к креслу. Слишком близко – не получится. Тем более, что находился он в состоянии при котором мужчинам лучше сидеть.

– За знакомство. Меня зовут Марина.

– Александр, в смысле, Саша. Можно еще Шура, но мне так не очень нравится.

– Тогда – Саша, – согласилась Марина и легонько коснулась своим стаканом стакана Гаврилина.

– Только пожалуйста, – не выдержал он, – поймите меня правильно...

– Постараюсь.

– Если можно, давайте мы это сделаем не на брудершафт. Без поцелуя.

– Это еще почему?! – весело изумилась Марина.

Почему – почему? По качану. Есть такой термин в криминалистике, Гаврилин и его тоже забыл, но подразумевает он провокацию изнасилования. Если она приблизится к нему на несколько сантиметров ближе, то он ни за что уже не отвечает.

– Понимаете, Марина, мне будет очень трудно удержать в руках одновременно и вас и себя, – сообщив столь многозначительную информацию, Гаврилин отпил вина и уставился во двор.

Старший лейтенант сумрачно восседал на стуле в тени дерева, клуши с наследницей уже не было, суесящихся людей на территории кафе стало значительно больше. Пора выметаться отсюда, и чем скорее, тем лучше.

Доклад назначен на двадцать два ноль-ноль, сейчас уже около четырнадцати. Гаврилин посмотрел на часы и убедился, что время летит значительно быстрее, чем ему хотелось бы.

Четырнадцать тридцать пять, а ему еще все нужно обдумать и решить, как все объяснять и формулировать, как... как, кстати, выбраться из этой квартиры, не растеряв остатки мужского достоинства.

Гаврилин посмотрел на Марину и натолкнулся на ее взгляд. И прилип. Отвести своих глаз уже не мог. Точно – ведьма. Гаврилин не отводя глаз допил вино, поставил стакан на подоконник и осторожно стал отодвигать кресло.

– Мне пора, извините за беспокойство, – Гаврилину удалось отвести взгляд, и дышать стало легче. Он встал с кресла и, неловко кивнув, двинулся к выходу.

Насколько он мог видеть краем глаза, Марина стояла опершись бедром о подоконник и скрестив руки на груди. О груди лучше не думать. Нет у нее груди совсем. И бедер у нее нет, и шеи нет, и ног нет.

И только бы она не заговорила. Пусть просто молча постоит. Да. А взгляд ее Гаврилин ощущал не то, что спиной – всем телом. Ну, точно – ведьма. Только бы не заговорила. Нужно ведь и сострадание иметь.

Гаврилин чувствовал, как горят щеки и уши. Давненько у него такого не было. Уже несколько лет никому не удавалось вгонять его в краску. Карету мне, карету!

И он бы сбежал, оставалось всего пару метров до выхода, когда Марина спокойно сказала:

– Ты еще попытайся меня убедить в том, что мы сегодня с тобой в постель не ляжем.

– До свиданья... что? – Гаврилин остановился и медленно обернулся к Марине. Марина была совершенно спокойна и серьезна. Ну разве что легкая улыбка, но это не признак насмешки, а знак хорошего настроения.

– Когда мужчина по совершенно идиотскому поводу приглашает к себе в квартиру девушку и поит ее там вином, он что, действительно предполагает, что она спокойно уйдет домой?

Интересно, насколько он будет глупо выглядеть, если попытается убежать из квартиры? И надо отдать ей должное, логика в ее словах есть. Совершенно точно.

Ситуация недвусмысленная. Гаврилин оценивал свою мужскую привлекательность достаточно высоко. Но не до такой же степени, чтобы сходу поверить во внезапную страсть Марины. Бывают еще, конечно нимфоманки, которым совершенно все равно с кем, где и когда, но не настолько же быстро.

Эти мысли ясно бродили по его лицу. А Марина самым откровенным образом наслаждалась его реакцией. Может, она просто садистка? Самая обыкновенная садистка, получающая удовольствие от того, что ставит мужиков в неловкое положение.

Стоп. А как на его месте повел бы себя обычный мужик, не отягощенный инструкциями и государственной службой? Вот именно. Именно так он и объяснит своему начальству все, что произошло. И все, что, по-видимому, сегодня еще произойдет.

Он просто должен поступать адекватно ситуации. Если все бегут к кафе – нужно бежать вместе с ними. Если женщина зовет в постель – бежать в постель.

– И что в таком случае мне делать? – спросил Гаврилин. Все, чтобы он сейчас не попытался предпринять, выглядело бы смешно. Броситься на нее с радостным воплем? Или начать томно раздеваться? Или...

Гаврилина бросило в жар, потом в холод, потом снова в жар потом... потом Марина засмеялась. Странно, но Гаврилин не обиделся. В смехе не было ничего, кроме... наверное, радости.

Радости не тому, что одержана победа, а радости жизни. Гаврилин вообще не очень хорошо разбирался в тайнах женского характера, а эта ситуация просто выбила его из колеи. Марина крепко держала в руках управление положением. И мастерски управляла.

– Самое правильное, что можно сделать в такой ситуации тебе – расслабиться и получить удовольствие.

Гаврилин начал считать в уме. До миллиона. Хотя, лучше до миллиарда. Тридцать пять, тридцать шесть... Это происходит не со мной. Тридцать семь, тридцать восемь... Я могу обладать этой женщиной прямо сейчас и здесь... Тридцать семь, тридцать восемь... вот на том диване, или вон в том кресле... тридцать семь, тридцать восемь... тьфу ты, черт, никакая математика и психология не сможет противостоять энергии, которую излучает Марина.

Век живи – век учись. Было в биографии Гаврилина несколько случаев, когда женщины, демонстрировавшие к нему самые нежные чувства, отвечали ему отказом, как только он пытался получить от них прямое и недвусмысленное согласие. Полумрак, тихая мелодия и шампанское – три источника и три составных части интимной близости.

Марина сжалась:

– Не бойся, изнасилования не будет. Тем более, что этим я дома не занимаюсь.

Очень хорошо, хотя чем это «этим» она дома не занимается? Не ложится в постель с малознакомыми мужчинами.

– Ты где живешь?

– В смысле? – Гаврилин продолжал тормозить. Совершенно понятно, что она спрашивает не место постоянного жительства и паспортные данные.

– Ты где комнату снимаешь?

– В Уютном, возле крепости. Там сразу возле конечной остановки автобуса.

– У бабы Агаты, – удовлетворенно улыбнулась Марина, – в комнате один?

– Один.

– Правильно, она в этом году курортников не принимает.

– У нее муж в больнице и... – начал было Гаврилин объяснять, но осекся. Похоже, Марина знала все и обо всех. А раз так, то она прекрасно знала, что баба Агата ночами дежурит в больнице и взяла в качестве квартиранта только его одного, чтобы дом оставался под присмотром. А днем баба Агата занималась своими делами. Так что почти круглые сутки дом находился в распоряжении одного Гаврилина.

– Я дам тебе шанс, Саша. Иди вперед и жди меня на автобусной остановке. Я тебя догоню через пятнадцать минут. Времени чтобы сбежать – достаточно.

Достаточно. Времени достаточно как для того, чтобы сбежать, так и для того, чтобы передумать приходить. По дороге к остановке Гаврилин пытался думать. Это у него получалось не слишком хорошо. Марина казалась загадкой. Волшебной, но все-таки загадкой.

В глубине души Гаврилин понимал, что если Марина просто не придет на остановку – это будет самым простым выходом из дурацкой ситуации. Гаврилин это понимал, но глаз с дорожки, идущей от Маринино дома, не отрывал. И на часы не смотрел. Он даже не предполагал, что может попасть в подобную ситуацию.

Почему ее нет так долго? Просто решила подшутить и не придет. Иначе вышла бы из дому вместе с ним. А, может, она решила переодеться? Какое-нибудь особенно эротичное белье? Хотя, куда уж эротичнее? Точно не придет.

Гаврилин понимал, что как профессионал катится все ниже и ниже. Он не мог думать ни о чем, кроме тела Марины. Глупо. Глупо и опасно. Если она не придет вовремя – он будет сидеть здесь и сидеть, сколько нужно. Пойти к ней домой он не решится, а здесь сидеть будет.

Пока она не придет, или не приедет. Гаврилин так погрузился в свои мысли, что отреагировал на «восьмерку» только тогда, когда она остановилась напротив него и дверца распахнулась.

– До Уютного подвезти? – спросила, выглянув из машины, Марина.

– Подвезти, – пытаясь сдержать идиотски счастливую улыбку ответил Гаврилин. Вот теперь все действительно неважно. Пусть стреляет, кто хочет и в кого хочет – Гаврилину на это наплевать. Будь что будет.

Глава 3

Суета

По дороге в мэрию Симоненко пытался представить себе реакцию Короля. И ловил себя на мысли, что не может этого сделать. Король был непредсказуем, не смотря на то, что имел твердые устоявшиеся привычки и наклонности. Жизнь Короля проходила по жестко расписанному графику.

Это в Короле Симоненко нравилось. Подполковник и сам старался планировать свою жизнь и деятельность, но жизнь постоянно вносила свои коррективы и неожиданности. Симоненко это злило.

Обстоятельства оказывались сильнее его желания и стремления к порядку. А Королю удавалось заставить обстоятельства подчиняться себе. Еще когда Король только поднимался наверх, а Симоненко не был начальником городского управления, их интересы пару раз пересеклись.

Тогда Симоненко попытался определить слабые места у бывшего первого секретаря горкома комсомола и натолкнулся на непроницаемую броню. Вначале Симоненко показалось, что он ошибся. Просто невозможно было себе представить, что молодой парень с амбициями настолько контролирует себя.

Он был женат, и Симоненко не удалось найти ни одного факта о хотя бы попытках супружеской измены. Это при том, что высокий подтянутый комсомольский деятель был всегда в центре внимания, и очень многие женщины были бы не против добиться от него взаимности.

Чего греха таить, Симоненко сгоряча даже попытался подставить Королю даму, обычно работавшую без проколов, и испытал сильное разочарование. Даже секретарем у Короля был мужчина. И в этом проявился весь Король. Он был рационален. Секретарь одновременно выполнял функции референта, водителя и охранника. Только когда Король вместе со своей тенью уезжал из мэрии, место у телефона занимала девушка.

За время знакомства с Королем Симоненко убедился в том, что остановить Короля невозможно. Задержать на время – да, но заставить отказаться от тщательно выверенной цели – для этого должно было произойти нечто совершенно невообразимое.

За все время работы в милиции Симоненко тщательно избегал двусмысленностей. Он твердо знал одно – деньги брать нельзя. Нельзя, если ты хочешь хоть немного уважать себя, и чтобы уважали тебя.

О неподкупности Симоненко знали. С одной стороны, это прибавляло авторитета, с другой – сдерживало карьеру. Тем более, что сам Симоненко не особенно увлекался поддержанием нужных знакомств и связей. В таких вопросах он был негибок и однажды был потрясен, когда узнал, что его неподкупность и верность закону и инструкциям используют те, против кого он, Симоненко, борется.

Все знали, что если сказал Симоненко, то так оно и есть. И когда он получил доказательство взяточничества одного из своих подчиненных, расправа была короткой. Он сам ходатайствовал о возбуждении дела. А через полгода после того, как осужденного отправили в зону, к Симоненко пришел Король.

Пришел домой, один и без предупреждения. И доказал, что никакой взятки на самом деле не было, что следователя подставили для того, чтобы прикрыть дело. И назвал тех, кто это сделал. А потом спокойно сидел, рассматривая Симоненко. Симоненко поверил не сразу. Король спокойно предъявил документы и записи разговоров. И добавил к ним еще несколько бумаг, убедивших Симоненко, что и до этого его использовали.

Тогда они с Королем просидели молча часа два, а потом Симоненко спросил, что, собственно, Королю от него нужно. И Король в первый и последний раз попросил о помощи.

Симоненко просто не должен был мешать. Просто закрыть глаза на все в течение недели. Просто не вмешиваться, когда в городе кое-что произойдет, а потом передать наверх те документы, которые ему даст Король.

Симоненко молчал. Молчал долго и тяжело до тех пор, пока сам Король не ушел, попросив перед уходом, перезвонить завтра. В ту ночь Симоненко не уснул, а утром позвонил к Королю и сказал «да».

На кладбище отправилось несколько человек, на стол начальству легла толстенная пачка компромата, а Симоненко получил место начальника городского управления, после того как его предшественник сел.

То проклятое дело о взятке было пересмотрено, освобожденного восстановили в звании и должности. Справедливость восторжествовала. Так тогда несколько высокопарно успокаивал себя Симоненко.

Потом, защищая справедливость, ему пришлось вместе с Королем отбивать натиск конкурентов, которые решили, что места убитых нужно занять, и что Короля можно во внимание не принимать. Эта ошибка стоила агрессорам дорого, как в прямом, так и в переносном смысле.

Первую группу боевиков остановил Симоненко, но их пришлось отпустить с миром – ничего криминального они совершить не успели, и ничего на них в тот момент не висело. Симоненко понял, что так может продолжаться бесконечно. Поэтому следующую группу он просто сдал Королю.

Группа исчезла, а отправитель получил от Короля письмо, в котором тот извинялся за причиненное беспокойство и просил о личной встрече. Встреча, неожиданно для многих закончилась тем, что Короля признали, и дела с ним стали вести как с равным.

Его территория была его территорией, и посторонним на ней делать было нечего. Одновременно он свято выполнял свое слово и в чужие дела не лез. К моменту выборов мэра других кандидатов просто не было. Да здравствует Король! Тем более, что фамилия нового мэра была действительно Король.

Симоненко напрягся. Перед его глазами встала картина грядущего беспредела. И он даже хотел было предупредить Короля о том, что беспорядка не потерпит, но мэр первым назначил ему встречу у себя в кабинете. Симоненко пришел, ожидая скандала, и скандал состоялся. Только содержание его было неожиданным для Симоненко.

Мэр обрисовал в нескольких энергичных выражениях положение, которое, по его мнению, сложилось в городе, и потребовал у начальника городской милиции навести порядок. Симоненко сломался после того разговора. Преступник и убийца, а иначе Короля Симоненко не воспринимал, потребовал у представителя закона выполнения этого закона.

Оказалось, что Король требует соблюдения законности. Король вел себя как хозяин и Симоненко почувствовал это. А почувствовав в Короле хозяина города, поймал себя на том, что признает за ним право на власть.

Для Симоненко ситуация была мучительной, но он видел, что Король прав. Более того, Король не просто требовал выполнения законов и делал все для того, чтобы городская милиция имела для этого все необходимые средства, но иногда даже выполнял функции закона высшего, исправляющего недостатки кодекса.

Когда осужденного за зверское изнасилование подонка Верховный суд неожиданно оправдал, Король распорядился привезти насильника в город, и тело его было найдено на площади. Кто приказал сделать это – в городе знали все и все согласились с приговором.

Тогда Симоненко впервые напился, а потом стал выполнять свои обязанности. Не работать, а именно выполнять обязанности по поддержанию порядка на улицах. Симоненко избегал

лишних встреч с Королем, а Король принимал это как должное. В городе был порядок, жизнь города протекала спокойно, насколько это было возможно для курортного города.

До этого дня. До этого дня. До этого дня. Симоненко закурил, но после двух затяжек сигарету выбросил в окно. Вытащил из кармана бумажник, раскрыл паспорт.

Леонид Григорьевич Лазарев, сорока трех лет отроду, женат, трое детей. Хоронить его придется в закрытом гробу. Тут уж ничего не поделаешь. Бурную жизнь прожил Леонид Григорьевич, любил пошуметь. И умер шумно. Но по сравнению с тем громом, который грянет после его смерти – автоматная очередь будет не громче хлопушки.

Какого черта принесло Лазаря на чужую территорию? Король явно не знал, что его город ошастливил своим визитом такой уважаемый человек.

Обычно, приехав на чужую территорию, деловые предупреждали хозяина, иначе могли произойти самые разные недоразумения. Но вор в законе Леня Лазарь закон нарушил. И погиб.

Теперь Королю придется объяснять коллегам Лени, что именно произошло в кафе. А вот кто объяснит Королю, что именно делал в том же кафе один из бригадиров самого Короля, Мастер? Все это слишком походило на переговоры за спиной Короля, а Королю такие вещи не нравились. Не тот он человек, чтобы оставлять без внимания столь явные признаки возможной опасности.

Куда ни кинь – всюду клин. Симоненко прямо из машины отдал распоряжения по организации поиска убийц, но слишком уж профессионально все было сработано, чтобы рассчитывать на положительные результаты.

Оставалась еще слабая надежда на то, что стреляли по приказу Короля. Хотя... Слишком непохоже это было на него, да и в этом случае за кровь придется платить. Уже на пути от машины к мэрии Симоненко подумал, что обстоятельства, пожалуй, могут попытаться взять реванш.

И еще подумал, что на его памяти Король ни разу не проигрывал.

Мусор

Засуетился Симоненко. Ясное дело – теперь все придется объяснять начальству. Но это ладно. Опыт подсказывал Мусоргскому, что гнев начальства вещь проходящая.

Погремит-погремит и перестанет. Ну, влепит выговор. А нам на ваши выговоры насрать. Мы все перетерпим, потому, что человек тварь такая – вытерпит все, а если с этого еще и выгоду можно поиметь – тут уж человек вытерпит все и еще столько.

Вот только неуважения всякого быдла нельзя терпеть. Сегодня он тебя кликухой в глаза ткнет, а завтра вообще за человека считать перестанет. А этого Мусор никому не позволит, он привык, что его боятся и не собирался ослаблять хватку.

Плохо, конечно, что теперь его участок привлек к себе внимание начальства. Придется потерпеть. И пока все умные будут корячиться, можно спокойно обдумать все происшедшее и прикинуть, как на этом можно заработать.

Такие мысли требовали спокойствия, а спокойствия-то как раз и не было. Малявка хренова. Так обнаглеть! И блевотина эта, от туфель до сих пор воняло. И фуражка!

Тот, кто считал Мусора бездушным, глубоко ошибался. Была у Мусора душа, и сейчас душа требовала оторваться на ком-нибудь. Малявка смылся – с ним можно и потом разобратся, сейчас же нужно было дать волю злости.

Мусор посмотрел по сторонам. Как назло – никого. Попрятались, суки. Ладно.

Ладно. Когда Мусоргский протяжно произносил это слово, людям становилось не по себе. Это значило, что Мусор только ждет повода, ждет чьей-нибудь ошибки, чтобы выплеснуть все, что накопилось. Но даже тогда малоподвижное лицо Мусоргского не изменит своего выражения.

Его злость выражалась действием. Почувствовав себя уязвленным, Мусоргский сразу же старался унижить кого-нибудь. Не важно кого.

В эти минуты он был действительно страшен. Проститутки на его участке знали, что в обычном состоянии он их не тронет. В обычном состоянии хватало денег, чтобы Мусор отпустил их с миром. Все бабы одинаковы и если есть возможность вместо оброка натурой получить деньги – деньги лучше. Но в состоянии ярости Мусор на деньги не соглашался.

Мусор покосился на копошащихся в крови экспертов. Он знал, что дальше будет больше, он ведь не дурак и не слепой. Узнать в одном из убитых Мастера сможет любой, но только Мусор сумеет... Твою мать! Мусор встал и прошел по площадке кафе.

Он пока еще не мог уйти отсюда, и был вынужден терпеть клокодавную внутри злость. Из пятиэтажки вышла Марина. Вот ее бы Мусор не отказался бы отыметь и в нормальном состоянии. Но нельзя. Блядь она конечно блядь, но слишком высокого полета. Тут можно и погореть. Это не то, что уличной потаскухе дать в рот на досуге. Эта себя как благородная держит. Ладно. Пошла к гаражу, сука. На машине они только катаются, автобус им не по нраву. Ладно, гуляй пока милая. Гуляй.

Значит, Мастера грохнули. А вот других покойников Мусор не признал. Чужие. Приехали поболтать с Мастером, а кто-то возьми да и достань автомат. Приехали. Стой. Они ведь на чем-то приехали. Скорее всего, на машине. Они тоже автобусов не любят, им тачку покруче подавай, а крутую тачку на дороге не оставишь. Если даже и не украдут, то пацаны запросто гвоздем разрисуют. И чего это они в таком голимом кафе встречу устроили? Духота, жара, мухи.

Мусор отмахнулся от лезущей в лицо мухи. Прятались они, точно прятались. От кого? От хрена моего! Понятно, что от Короля прятались. Значит и машину свою где-то недалеко заховали. Только пусть они это от умников прячут. От Мусоргского на его участке ничего нельзя спрятать.

Мусоргский всех здесь знает. Знает он и то, что Вася Кинутый спокойно мог тачку у себя во дворе спрятать. Он даже и ворованные иногда, дурилка, прячет, а просьбу Мастера покойного тоже выполнить постарается. И рядом здесь.

Мусор наконец решился. Вася Кинутый давно что-то не платил налога. Забыл, нужно напомнить, кто его за яйца держит. Прятанных машин ему не простят, если Мусоргский скажет кому нужно.

И, кстати, по дороге к Васе стоит будочка Нины Грищенко. Не повезло как-то Нине, у нее в шкафчике Мусор нашел наркоту и заставил написать объяснительную. Нинка девка молодая, глупая, но задница у нее что надо. Крепенькая задница. Нинка вздрогнула, когда Мусор заглянул в окошко.

– Как работа?

– Да какая там работа, Игорь Иванович, все на пляже. вечером, может.

– Значит, не очень занята, – удовлетворенно сказал Мусор.

Нинка почувствовала подвох, глаза ее испуганно расширились.

– Пора санитарный час устраивать, Ниночка, – сказал Мусор, – ты окошко закрой, я к тебе зайду, поговорить нужно.

– О чем?

– Полы у тебя грязные, о половом вопросе поговорим, – в голосе Мусора прозвучала интонация, которую Нинка знала слишком хорошо. Ее словно кипятком обдало, а потом накатилась слабость. Она закрыла окошко, повернулась к двери и отодвинула засов. Мусор вошел, по-хозяйски закрыл за собой дверь.

– Мне сегодня нельзя, Игорь Иванович, – пробормотала Нинка, – я не могу.

– Не можешь? – спросил Мусор, положив руку ей на плечо.

– Не-не могу – еще больше слабея прошептала Нинка.

- А говорить ты можешь?
- Что?
- Рот не болит?

Нинка почувствовала, как рука Мусора сдвинула ее плечо и стала пригибать к полу.

– Пожалуйста, не надо, – прошептала она, пытаясь заглянуть ему в глаза. Но блеклые глаза были спокойны, как будто сделаны из стекла, из мутного, чуть голубоватого стекла. Живыми были только зрачки. Они расширялись, расширялись, расширялись... Их чернота затопила глаза Мусора, и Нинка поспешила отвести свой взгляд. Ноги подогнулись и она, зажмурившись, опустилась на колени.

Суэта

Король выслушал Симоненко молча. Не проронил он ни слова, пока подполковник перечислял меры, уже принятые или которые будут приняты в ближайшее время. Когда Симоненко положил на письменный стол паспорт Лени Лазаря, Король взял паспорт в руки, открыл его и минуты две внимательно смотрел на фотографию.

«Ничего он тебе не скажет» – подумал Симоненко. И пока не ясно сможет ли вообще кто-нибудь что-нибудь рассказать по этому поводу. Когда подполковник замолчал, Король закрыл паспорт и бросил его на стол, откинулся на спинку кожаного кресла и посмотрел в глаза Симоненко:

- И что, по-вашему, это может означать?
- Все, что угодно.
- Например.

– Я даже не исключаю, что это кто-нибудь из местных решил убрать Мастера вместе с Лазарем. Кто-нибудь, кому не понравилась эта встреча, – Симоненко внутренне напрягся, но взгляд Короля выдержал. Король пожал плечами, потом покачал головой:

– Это можете исключить.

– Полностью? – Симоненко все еще надеялся на чудо, на то, что все это произошло по приказу Короля, что все это является частью плана, и Король готов к возможным последствиям.

– Полностью. Даже если бы я знал об этой встрече. У нас сезон.

Сезон. Действительно, Симоненко выпустил из виду эту немаловажную деталь. Король никогда не позволил бы себе такой ошибки, устроить бойню в самый разгар курортного сезона. А уж тем более не стал бы начинать посреди сезона войну.

К финансовым вопросам города Король относился очень серьезно, и город был одним из немногих населенных пунктов, не имевших дефицита бюджета.

За четыре месяца сезона люди должны были заработать деньги на восемь оставшихся месяцев. Король действительно не мог иметь отношения к убийству. И не имел, до этой минуты. А теперь ему придется решать все проблемы сразу.

– Мы реально имеем шанс найти следы убийцы?

– Я думаю, что они уже уехали. С момента убийства до объявления тревоги прошло минут тридцать. От кафе, до выезда из города – минут десять езды, даже с учетом сегодняшней толкотни на дорогах. Кроме этого они могли уйти на катере или даже пешком через горы.

– Они могли остаться в городе.

– Могли. Но от этого нам ненамного легче. В городе около ста тысяч отдыхающих. На всякий случай я приказал выяснить, какие машины прошли мимо блокпоста на выезде за последнее время, и пустил своих людей по гостиницам, пансионатам и домам отдыха для того, чтобы выяснить, кто поселился в них в течение последних трех дней, и кто выписался накануне или в день убийства. К вечеру получу список – тысяч пять фамилий.

– Не вдохновляет. Я со своей стороны постараюсь выяснить ту же информацию относительно частного сектора.

– Я подключу участковых.

– Затем, рестораны, казино, проститутки.

– Не думаю, что перед операцией убийцы стали бы кутить.

– Я тоже так не думаю. Просто пришла в голову мысль. Если мы не сможем обнаружить убийц в случае их отъезда, то давайте будем считать, что они остались в городе. Тогда они могут отметить свой успех. Людям свойственно ошибаться.

Теперь настала очередь Симоненко пожимать плечами:

– Это все будет напоминать старый анекдот. Уронил деньги под забором, а ищет возле фонарного столба – там светлее.

– У вас есть другие предложения?

– Посмотрим, что накопают эксперты. Отпечатки, гильзы следы. Да и вообще скоро это дело у нас заберут. Все-таки, девять трупов.

– Не девять. Три: бармен, официант и случайный посетитель. И все это произошло в процессе ограбления. А грабителей ваши люди настигли и в перестрелке уничтожили.

– Никто не поверит. И шесть трупов в перестрелке... они же не банк грабили – кафе.

Король резко наклонился к Симоненко через стол:

– Двое было грабителей, либо вообще один. Остальные трупы просто исчезнут. Мне не нужна здесь паника и следственные группы со всей страны. Этим делом будете заниматься вы.

Прокуратуру и чекистов я предупрежу лично. Это дело будет официально закрыто. А неофициально вы будете искать, и я буду искать. И мне не до формальностей. Вы прекрасно понимаете, что может произойти, если будет допущена хотя бы маленькая ошибка. Вы понимаете?

Симоненко молчал. Ему было все равно, чем это может обернуться для Короля. Король был лучше других себе подобных, но он был преступником. Кроме этого, он был еще хозяином города и хозяином неплохим. Но и это было неважно. Для Симоненко важно было другое. Если начнется война, то пострадают все.

Большинство лишится своих заработков, а некоторые – жизнью, случайно подвернувшись под пули или взрывы. Как Витек-бармен и официант. Король ждал ответа на вопрос. Король умел очень убедительно молчать. В конце концов, он рискует жизнью. Симоненко только погонями и должностью.

– Я все понимаю, – наконец сказал Симоненко, – и я сделаю все от меня зависящее. Мне нужно, чтобы сюда не прислали никого сверху.

– Не пришлют, я вам обещаю.

Наблюдатель

Интересно, баба Агата сейчас дома или ушла по своим бесконечным и таинственным делам. Болезнь мужа выбила ее из нормального курортного ритма жизни.

Вынужденная дежурить по ночам у постели дяди Саши, она все свои проблемы решала под раскаленными солнечными лучами. Ее энергии можно было бы позавидовать. Баба Агата умудрялась поддерживать порядок в доме и во дворе, регулярно ходить в лес и в горы за какими-то травами и за грибами, а потом еще и продавать все это возле автобусной остановки. Она знала всех в городе, и все знали ее. В суждениях она была независима и решительна. Такая мелочь как присутствие обсуждаемого не могла заставить ее выбирать выражения или хотя бы смягчить их.

Как она отреагирует на появление Марины Гаврилин предположить не мог. Хотя, Марина, кажется, знает бабу Агату и не боится встречи с ней. Марина вообще, похоже, ничего не боится. Она спокойна, уравновешена и невероятно притягательна.

Гаврилин покосился на Марину. Странно. Теперь, когда почти все ее внимание было сосредоточено на дороге, Гаврилин мог рассуждать почти спокойно, даже глядя на нее и ощущая ее запах. Хотя о запахе лучше не думать.

Хуже, чем сидеть на самом солнцепеке в кафе, может быть только необходимость сидеть на том же солнцепеке в машине. Стекла лучше не опускать – удовольствие от встречного ветерка полностью погашается клубами белой пыли. Кондиционера в машине не было. Гаврилин даже обрадовался тому, что многое отвлекает его от созерцания линий тела Марины. Появилась возможность рассматривать происходящее снаружи и обдумывать свои планы на будущее.

Не на ближайшее будущее, эти планы уже, кажется, обдуманы, и решение по ним принято однозначное и бесповоротное. Грустно, конечно, что мужчине приходится идти на поводке у женщины, но у такой женщины... Впрочем, он не об этом.

Вечером Гаврилину придется отправляться к телефону и назначать место встречи. До сегодняшнего дня он обходился телефонными разговорами, но, судя по всему, теперь с ним захотят встретиться лично.

Хотя бы для того, чтобы посмотреть ему в глаза. И эта процедура уже сейчас не вызывала у Гаврилина восторга.

Ума ему хватило только на то, чтобы ретироваться с площадки до появления милиции. О всем произошедшем в кафе у Гаврилина было самое приблизительное представление, а о том, что происходило потом – нет вообще никакого. Все его мысли заняла Марина, но как оправдание это было недостаточно весомо.

Нет, если бы представитель руководства лично пообщался бы с Мариной, заглянул в ее глаза, ощутил ее прикосновение, рассмотрел все изгибы ее тела, то... То Гаврилин все равно получил бы по голове от всей начальнической души.

Наблюдатель должен наблюдать. Опытный наблюдатель уже давно бы обратил внимание на то, что раскаленные до бела улицы претерпели некоторые изменения. Как только Гаврилин осознал, что на улицах что-то изменилось, мозг сам собой решительно занялся тем, к чему его долго и тщательно готовили.

На улице было все также жарко и пыльно. Изменений в погоде фиг дождешься. Люди. Люди точно такие же, как и вчера – вялые и вяленые. Дома, лица, походки, движение на дороге, одежда... Одежда. В полуголой пестрой толпе появилось большое количество одежды скромных тонов. А среди головных уборов замелькали фуражки. Милиция. Милиция патрулирует улицы, не взирая ни на какую жару и ни на какие традиции.

Быстро тут у них реагируют. Наверное, и блокпосты на выездах из города сейчас из всех сил перетряхивают багажники машин и записывают паспортные данные пассажиров.

Подполковник Симоненко, как и ожидалось, действует оперативно. И есть с чего. Если верить тому типу возле кафе, который первый заглянул в павильон, то там есть из-за чего милиции посуется. Проблевавшись, тот парень сообщил, что там куча покойников, и все залито кровью. Даже если списать немного на естественное возбуждение и вспомнить старую мудрость «врет, как очевидец», то и тогда выходит много.

Когда Гаврилин явился на эту сковородку, парень в пиджаке уже маячил в дверях, а блондинка с пистолетом в сумочке уже сидела за столиком. Так что количество людей, находившихся в павильоне, для Гаврилина оставалась загадкой.

Как минимум, официант, за несколько минут до начала стрельбы вошедший в павильон, и бармен, находившийся там постоянно. Кроме этого, парень в дверях кого-то охранял, а это

обозначает, как минимум, еще одного покойника. Можно с уверенностью говорить о четырех убитых.

Если пофантазировать, то можно предположить, что охраняемый не просто наслаждался духотой в павильоне. Очень большая степень вероятности, что у него там происходила встреча с кем-нибудь, так что можно к четырем гарантированным трупам для отчета начальству прибавить еще и один гипотетический.

Была во всем этом какая-то незавершенность. Вроде все нормально, ясно и понятно. Убийца, убитые, свидетели... Кстати о свидетелях, их будут искать.

Есть, конечно, подгорелая мадам с дочкой, но вряд ли она заметила что-либо существенное. А если заметила, то заставить ее внятно сформулировать все увиденное будет очень непросто. Тут следователю не позавидуешь.

Стоп. Гаврилин поежился. Мамаша могла запомнить его и того типа с пивом и газетой. Шансов за то, что по ее описанию из всей этой толпы курортников смогут вычислить его было очень мало. Но они были.

Предположим, начнут у всех, живущих рядом, выяснять не видели ли они парня спортивного телосложения лет тридцати в белой футболке и шортах возле кафе. И кто-нибудь вспомнит, что он ушел с площадки вместе с Мариной. Потом спросят Марину, и она вдруг вспомнит, как он очень интересовался происходящим...

Мамочка моя. Она, кроме всего прочего, знает, где Гаврилин живет. Холодно у них здесь в машинах. Но в пот все равно бросает. Гаврилин повернулся к Марине.

Машинка у нее явно недавно – ведет неуверенно, глаз от дороги не отрывает. И все равно, даже в профиль она неотразима. Лицо, грудь, ноги... Интересненько, а ведь сейчас она не сводит с ума, или это от того, что она слишком занята, или от того, что у Гаврилина в голове копошатся самые разные мысли.

Кастрация подозрением. А вы, батенька, пугливы. А вам, батенька, нужно показаться врачу. Еще даже не известно, запомнила ли вас клуша в кафе, запомнил ли вас кто-нибудь, и станет ли Марина вас сдавать, а гормоны уже не так вас ослепляют.

Успокойтесь. Теперь вы даже сможете объяснить начальству необходимость контакта с Мариной. Он ее просто использовал. И не надо ухмылочек. Не в этом смысле. Ну и в этом тоже, но вообще... Теперь ее по всем канонам нужно влюбить в себя, и тогда она меня, любимого, не выдаст никому, даже в жадные руки милиции.

Гаврилин приготовил достаточно игривую фразу, чтобы начать игривый разговор, способный плавно перейти в игривые действия, но машина резко остановилась. Гаврилина качнуло вперед, он уперся руками в панель перед собой. Гаврилин так увлекся составлением игривой фразы и своими тяжелыми мыслями, что не сразу сообразил – приехали.

Марина остановила машину возле калитки дома бабы Агаты, заглушила мотор, вынула ключ зажигания. Не торопясь перегнулась через спинку кресла и с заднего сидения достала довольно объемную сумку. Вид напряженного женского тела, да еще какого женского тела, начал потихоньку отодвигать опасения Гаврилина на задний план.

– Сумку донести сможешь? – спросила Марина, и их руки на секунду соприкоснулись.

– Д-да, конечно, – пробормотал Гаврилин и, нашарив за спиной ручку, открыл дверь и вылез из машины. У него еще хватило ясности сознания для того, чтобы узнать в изгибе тела Марины изгиб тела блондинки в кафе и еще подумать, что все женщины обольщают мужиков одинаково, даже если цели этого обольщения разные. Но потом Марина закрыла дверцу на ключ и обернулась к Гаврилину. И все мысли улетели, подхваченные ее взглядом.

Гаврилин открыл калитку, пропустил Марину вперед. Из тени вперевалку вышел коротконогий Каро, напоминающий покрытую шерстью скамеечку, задумчиво обнюхал ноги Марины и, решив не связываться, вернулся на место. Дверь закрыта на ключ – бабы Агаты нет, и будет она явно не скоро. Гаврилин достал из-под половика ключ и открыл дверь.

– Душ у вас во дворе, – констатировала Марина.

– За домом, – подтвердил Гаврилин.

– Знаешь, Саша, – спокойно сказала Марина, – я предпочитаю заниматься любовью после душа. У тебя возражений нет?

Гаврилин помотал головой. Снова навалилось косноязычие.

– Что? – безжалостно переспросила Марина.

– Я – за! – выдавил из себя Гаврилин.

– Тогда я тебя жду.

Вода в душе нагревалась солнцем и освежить не могла. Гаврилин торопливо намылился, быстро смыл пену. Вообще, он очень любил постоять под душем, особенно под упругим ледяным душем, но сейчас у него не было ни холодной воды, ни напора, ни времени. В комнате его ждала Марина.

Уже вытираясь на ходу полотенцем, Гаврилин заставил себя мысленно поклясться самой страшной клятвой, что вечером он все тщательно обдумает и проанализирует. И эта его клятва была последней данью здравому смыслу и служебному долгу. Его ждала Марина. На пороге, с полотенцем в руках.

– Ты тоже?.. – спросил Гаврилин.

Марина прошла мимо него, оглянувшись и с улыбкой сказала:

– Я надеюсь, что потные женщины тебя не возбуждают.

Гаврилин неуверенно потоптался на веранде, потом вспомнил, что нужно подумать о постели бросился в свою комнату.

О постели можно было не думать. Как можно было не думать и о закуске. Марина уже обо всем подумала. Постель была застелена свежим бельем, на столе поставлены бокалы и разложены фрукты.

Интересно, кто тут мужик. Или так, кто здесь кого собирается иметь. Гаврилин даже захотел обидеться, но вспомнил о том, что его продовольственные запасы состоят из сырой картошки, сала и бульонных кубиков.

Потом посмотрел на пустые бокалы и осознал, что вина у него тоже нет. Это сильно подпортило ему настроение. Дон Жуан доморощенный. Казанова из Мухосранска.

Сейчас она захочет вина, и ты будешь просить ее немного подождать пока ты сбегаешь в магазин. Из магазина ты принесешь бутылку теплого вина или шампанского, а тем временем она будет тебя ждать, а ты припрешься снова потный и пыльный, а она снова скажет, что любит заниматься любовью после душа, ты помчишься в душ, вино, даже если ты не забудешь поставить его в холодильник, остыть не успеет, и вы будете пить его теплым, а она...

А она все предусмотрела. Марина стояла в дверях, волосы ее были влажными, глаза светились немного безумным зеленым огнем, а в руках она держала бутылку шампанского.

– Пока ты мылся, я положила бутылку в морозильник, – сказала Марина. Невозможная, фантастическая женщина.

– Ну что, приступим? – спросила Марина, после того, как они выпили по бокалу шампанского. Гаврилин попытался сказать что-то достойное этой торжественной минуте, но оказалось, что это уже не так важно.

Мусор

Под конец Нинку чуть не стошнило. Удержал ее только страх перед Мусором. Нинка думала, что Мусор взорвется, что он может не сдержаться, и во что может вылиться его злость. И она стерпела.

Терпеть – это было то, что у нее получалось лучше всего. Она привыкла терпеть, а вот теперь начала привыкать бояться.

Нинка поняла, что нужно бояться всех, даже собственной семьи нужно бояться. Вначале она спрятала у себя наркотики, потому что боялась Мастера. Мастер приказал, и она положила пакет между другими товарами.

Потом Мусор нашел наркотики и Нинка стала бояться его. Мусор не отобрал наркотиков. Он просто потребовал, чтобы Нинка написала объяснение, и Нинка написала. И о Мастере написала, потому что в тот момент Мусора боялась больше чем Мастера.

А когда Мусор ушел, снова вернулся страх перед Мастером. А потом Мусор пришел и потребовал денег, а потом пришел злой и, не говоря ни слова, прижал ее к стене и...

Она тогда тихо плакала, пока Мусор сопел у нее за спиной, а потом, когда, кончив, он ушел, так и не проронив ни слова, испугалась, что могла залететь, а потом, придя из консультации, испугалась, что все может узнать муж, а потом снова пришел Мусор, потом снова Мастер приказывал прятать наркотики, а потом...

А Мусор был даже немного разочарован тем, что Нинка сдержалась. Он сделал все, чтобы и без того мучительный для нее процесс превратился в пытку. И если бы она вдруг отпрянула от него, захлебываясь его семенем и рвотой, он бы смог, про себя, в уме сказать: «Мой мусор тебе в рот не вмещается» и оттолкнуть Нинку. Потом он просто переступил бы через нее и ушел, почти успокоенный.

Теперь же Нинка стояла перед ним на коленях, по лицу ее текли слезы, а в глазах плескались ужас и безысходность. Не торопясь застегивать брюки, Мусор сгреб в кулак Нинкины волосы и притянул ее лицо к себе:

– По моему, тебе понравилось. Смотри, улыбаешься. Или тебе смешно?

Нинка застонала. Мусор, запрокинув голову Нинке медленно водил пальцем по ее губам. Нинка зажмурилась. Но даже не пыталась вырваться. Он терпеливо ждала, когда Мусору надоест ее испуг и ее бессилие.

– Ладно, – сказал Мусор и отпустил Нинкины волосы. Она осела на пол и закрыла лицо руками.

– У меня для тебя есть хорошая новость. Слышишь, Нинуля? Слышишь?

– Слышу, – всхлипнула Нинка.

– Твоего приятеля замочили, Мастера. Кто же тебе теперь наркоту будет оставлять на хранение?

Нинка что-то невнятно пробормотала.

Мусор удовлетворенно кивнул, поправил на себе одежду и открыл засов на двери, но с порога вернулся. Почувствовав на своем плече его руку, Нинка дернулась.

– Ну не надо так, – сказал Мусор, – я понимаю, что тебе хочется еще, но служба есть служба. Я к тебе еще как-нибудь загляну, когда тебе можно будет не только в рот дать. Ты готовься, а чтобы у нас с тобой любовь получилась как следует, ты мне Малявку найди. Найдешь – оставлю тебя в покое. Честно. Слышишь меня?

Нинка закивала, не отрывая рук от лица.

Вот так и надо. Вся эта шваль должна знать свое место. На коленях и с концом во рту. Вот так, они тогда не смогут кликуху эту гнусную в слух произносить.

Мусору было наплевать на то, что Нинка никогда даже не пыталась назвать его Мусором. Он знал, что они в мыслях так его называют, что за спиной его шепотом произносят ненавистное слово. Даже дома, когда его жена называла мусор хламом, он знал, что она делает это только потому, что знает эту кличку и боится его задеть. И еще знал, что жену его кличут за глаза Мусоркой. И знал, что жена во всем винит его, старательно закрывая глаза на то, как к ней самой относятся люди.

Нинка не успокоила Мусора. Немного разрядила, сделала его злость не такой яростной. И все. Ладно. Теперь нужно потолковать с Кинутым.

Отгрохал Вася высоченный забор и думает, что старший лейтенант милиции, участковый Игорь Иванович Мусоргский не узнает ничего.

Хрен тебе, Васенька. Игорь Иванович свой участок знает и вас всех, ублюдков, насквозь видит. Это вы от Короля можете прятать наркотики, это Король может думать, что он сможет у себя в городе перекрыть продажу дури. Мусоргский давно знает, что Мастер, покойный Мастер, продавал порошок. Если бы Король это узнал, то бригадир бы умер быстро и не очень весело.

Твою мать! Мусор остановился возле зеленого забора Кинутого. А, может, это Король и приказал всех в кафе перебить? Король шутить не любит. Если так – нужно действовать осторожно. Очень осторожно. Тут главное не встрять в разборки. Нужно посмотреть вокруг, не уронят ли чего дерущиеся. А, если уж совсем повезет, заработать на этом.

Мусор толкнул калитку. Закрыто. Значит, ты теперь у нас дверь среди бела дня закрываешь? Может, ты еще и сарай свой закрытым держишь? Мусор ударил в калитку кулаком. Потом еще несколько раз. Краска под солнечными лучами размякла, и на руке Мусора осталось небольшое зеленое пятно.

Мусор ударил в калитку ногой. Из-за калитки слышались шаги, а потом и сопение. Кинутому когда-то сломали нос, сросся он неправильно, и сопел теперь Вася, как закипающий чайник.

– Кто там? – неуверенно спросил Кинутый.

– А ты открой, и я тебе объясню, падла сопатая.

– Игорь Иванович? – Кинутый торопливо отодвинул засов. – В гости?

– Я сейчас тебе, пидор, таких гостей навешаю, – тихо сказал Мусор и, шагнув во двор, захлопнул за собой калитку. – Кто дома?

– Никого, один я, – Кинутый сообразил, что сейчас будут неприятности, но увернуться не успел. Мусор вначале ударил его ногой по голени, а когда Кинутый наклонился, схватившись за ногу, ударил его коленом в лицо.

Нос у Васи слабый. После того перелома, даже от самого легкого толчка юшка заливает все лицо. Это Васе помогает понять кто тут хозяин. Кинутый опрокинулся на спину, по лицу потекла кровь. Мусор шагнул к нему и ударил ногой в печень. Кинутого скрутило, он перевернулся на бок. Еще один удар по печени.

Вася извивался в пыли, как полураздавленный червяк. Как червяк. Кровь, упав на пыльную землю, мгновенно теряла красный цвет и превращалась в комочки мокрой черной пыли.

– Ко мне повернись, – приказал Мусор. Кинутый перевернулся снова на спину, повернул к Мусору серо-красное лицо. Дышал он тяжело, возле носа пузырилась кровь.

– За что?

– А было бы за что – давно убил бы. Ты мне вроде и не рад? Дружить со мной перестал. Не приходишь ко мне в гости. К себе не зовешь. Даже вон ворота закрыл. И сарай закрыт.

Дурак, ты, Кинутый, чего к тебе Мастер обращался? Двор заметать надо, можно еще из шланга поливать, чтобы следы от протекторов через весь двор к сараю не вели. Сорок лет придурку, а ума не набрался.

– Открывай сарай, Васенька.

– Не могу, Игорь Иванович, что хочешь со мной делай.

– А ты не баба, чтобы я с тобой делал что хочу. Мастера боишься?

Кинутый молчал.

– Ладно, тогда давай я угадаю, что у тебя в сарае. Самолет тебе туда не влезет, пароход сюда от моря не доплывет. Машина там у тебя. Открывай.

– У меня ключа нет. Бля буду, Мастер сам замок повесил и сам ключ унес.

Кинутый потихоньку встал. Кровь стекала на замызганную майку и линялые спортивные штаны. Не врет. И то верно, Вася любопытный, Вася может и в машину залезть, посмотреть, чего это квартиранты там прячут.

– Неси топор, будем сарай открывать.

Кинутый побледнел так, что стало видно под смесью крови и пыли.

– А что я буду делать, когда Мастер придет?

Мусор помолчал немного, наслаждаясь замешательством Кинутого.

– Когда к тебе Мастер придет, в чем я сомневаюсь, зови отца Никодима со святой водой. Замочили Мастера и дружков его замочили.

Новость произвела на Кинутого сильное впечатление. Козел даже рожу не вытер, так и поперся за топором. Его теперь припугнуть – все что угодно сделает, хоть убьет, хоть украдет. Сам как привидение, с топором в руках.

Работай, Вася, работай. Мусорского не обманешь.

А мужик ничего, сильный, замок снес с одного удара, может практика есть. Мусор вспомнил, как в прошлом году сбили замок на складе магазина. Там тоже – аккуратно замок снесли. Ничего, Вася, мы с тобой об том складе потом поговорим.

– Ты пойдй погуляй, а я тут пока машину осматрю. И рожу умой – смотреть противно.

Так. Машина ничего себе, «форд», не такая чтобы очень крутая. И правильно, чего внимание привлекать? Дверцы закрыты или нет? Если закрыты – придется сообщать по службе. Не закрыты. Вот так эта благота всегда. На сарай замок цепляют, а дверь и багажник в машине оставляют незапертыми.

Мусор аккуратно носовым платком открыл заднюю дверь салона. Пусто. На передних сидениях – тоже. Глянем в багажник. В багажнике были две сумки. Мусор потянул молнию на одной. Оружие. Как на войну приехали. Мусор не стал особенно рассматривать этот арсенал и открыл вторую сумку. Быстро оглянулся на вход.

Кинутый гремел ведром где-то в глубине двора. Во рту у Мусора мгновенно пересохло, а на лбу выступил пот. Это да. Это да. Это да. Мусор закрыл сумку. Потом вытащил обе сумки из багажника. Сумка с оружием весила килограммов пятнадцать. Вторая была легче, но Мусору показалось, что руку она оттягивает значительно сильнее.

Мусор попытался позвать Кинутого, но голос не послушался. Мусор откашлялся:

– Кинутый!

– Я, – Вася появился в дверях сразу же. Боится.

– Мне нужен мешок, чистый. Вот эти сумки положишь в мешок и отнесешь в киоск к Нинке. Я буду идти следом. Оставишь мешок – иди домой.

– А чего там?

Козел. Не твоего ума дело.

– Наркотики там. Понял? Наркотики. Ты для Мастера наркотики прятал.

Кинутый засопел сильнее:

– Что же теперь будет?

– А будет то, что Король тебя на кусочки порезать прикажет. Он же всем передал – наркотой в городе не торговать. Вон Мастер уже доторговался.

– Так это его Король?

– Нет, папа Римский. Твое счастье, что мне самому не нужно, чтобы на моем участке наркотики нашли. А то бы я тебе сам наручники одел. Если кому ляпнешь только, что я у тебя нашел – жене или соседям – сдам Королю. Вечером я к тебе зайду, часов в одиннадцать. Жену отправь куда-нибудь... Она про машину знает?

– Знает. Мастер при ней со мной разговаривал.

– Ей скажешь, что человек от Мастера за машиной придет, и отправь свою благоверную подальше. Есть куда?

– К теще, в Уютное.

– Вот туда и отправь. Я к тебе приду – скажу куда машину денем. Сам в машину не лезь.

Мусор наблюдал за тем как суетится Кинутый и понимал, что с ним нужно будет что-то делать. Вечером. Все решится вечером. Мусор, говорите. Мусор? Ладно. Ладно. Ладно.

Король

Король. Он давно привык, что его так называют все. Даже жена называла его Королем. И он привык чувствовать себя Королем. У него была ответственность, от которой его могла освободить только смерть. Он сознательно принял на себя эту ответственность и со временем она становилась только тяжелее.

Король не боялся этой ответственности, она стала частью его, главной составляющей его характера. Вначале, еще во времена своей комсомольской карьеры, Король искренне не понимал, как можно не сдержать данное слово.

Пусть обещание вырвалось после большой дозы спиртного, пусть он дал его сгоряча, не взвесив всех возможностей – для Короля это было неважно. Это было слово. Его слово.

Если у меня не будет даже честного слова, что у меня останется, сказал он однажды в кругу приятелей и ни один из них не улыбнулся. Они знали Короля.

Когда-то, уже будучи первым секретарем горкома комсомола, он пообещал помочь другу разобраться с подонками, терроризировавшими его жену. Король не стал вызывать милицию, он просто пришел к другу, и они вместе дрались с тремя мерзавцами, дрались до тех пор, пока все трое не перестали пытаться подняться с земли. Тогда Король отвел друга домой, а на следующий день всем в горкоме рассказывал, что споткнулся на лестнице.

Решив, что так правильно, Король мог поставить на это все. И драться до конца.

Когда рассыпался Союз, как и многие комсомольские работники, Король ушел в бизнес. Оказалось, что комсомольские аппаратчики просто созданы для новых рыночных отношений. Они знали друг друга и доверяли друг другу, они понимали, что выстоять смогут только все вместе.

И они всегда были готовы помочь своим.

Это был клан, построенный на взаимном доверии и на взаимной помощи. Поначалу. Потом стало сложнее. Гораздо сложнее. Они хоронили друзей, они теряли друзей, не выдержавших искушения властью и деньгами.

Когда на них стали наезжать уголовники, некоторые не выдержали и ушли, некоторые пытались драться и погибали, некоторые сами становились уголовниками или принимали защиту от уголовников.

И однажды Короля поставили перед выбором. Он отказался. На него надавили. Он отказался. Тогда на него надавили сильнее, и Король взорвался. Те, кто считал его беззащитным, поняли свою ошибку слишком поздно. Они не учли, что из райкомов и горкомов вышли не только партийные и советские работники.

Комсомольцы уходили в КГБ, милицию, армию. И еще они не учли, что Король – это Король. Слишком много людей знало Короля, и слишком много людей были ему чем-либо обязаны.

После того, как городской авторитет, уверенный в себе и в своем прикрытии, умер, так и не придя в себя от изумления, а люди из его ближайшего окружения стали умирать как во время эпидемии, уголовники и деловые рангом ниже стали задумываться.

Когда неожиданно лишились своих постов и отправились в отсидку почти все руководители города, оказалось, что все готовы прислушиваться к мнению Короля.

После того, как он отразил натиск конкурентов из других городов, все стали выполнять его советы, которые постепенно становились приказами.

Король приучил всех к повиновению, а сам привык к тому, что ему не возражают. Когда он потребовал перекрыть торговлю наркотиками на территории города, раздалось много недовольных голосов.

Король собрал всех и в течении двух часов разъяснял им свои взгляды на эту проблему и свое видение дальнейшей жизни города. Каждый из присутствовавших получил от Короля цифры и гарантии будущих доходов. Согласились почти все. Те, кто не согласился сразу, согласились немного позже. Почти все.

Те, кто не согласился позже, либо сменили место жительства, либо вообще перестали жить. Кто-то время от времени пытался нарушить запрет. Таких Король наказывал.

Мастера наказать Король не успел. Но теперь, и Король это ясно сознавал, все будут уверены в том, что это по приказу Короля был убит Мастер. В этой истории стоило разобраться внимательнее.

Когда Симоненко позвонил ему, Король испытал легкое беспокойство. Девять трупов – это проблемы. Даже если это просто произошла поножовщина среди швали.

Когда Симоненко сообщил о том, что среди убитых обнаружен труп Мастера, Король удивился. Не было никаких признаков возможной катастрофы. В городе уже давно не происходили внутренние разборки, на своей территории Мастер держался уверенно. Даже слишком уверенно.

Ходили слухи, что именно через Мастера проходит тот ручеек наркотиков, продаваемых в городе. Король даже приказал разобраться в этом вопросе, но...

Убийство? Среди белого дня, в разгар сезона? Это было необычно и сулило неожиданности. Но когда Симоненко положил на стол перед Королем паспорт Лазаря, Король ясно осознал всю величину возникшей проблемы.

Вор в законе тайно приезжает в его город. Это уже неприятно. Тут он встречается с одним из бригадиров. Это грозит очень серьезными неприятностями. И оба, Лазарь и Мастер оказываются убитыми. Симоненко прав – первое, что приходит на ум, Король так выразил свое недовольство по поводу переговоров за своей спиной.

Так подумают все, особенно те, кто сюда Лазаря прислал. Так подумают все, кто знал о подозрениях Короля относительно Мастера и наркотиков. Убийцу надо искать.

Кроме этого надо попытаться убедить тех, кто стоит за Лазарем, в своей непричастности к убийству. Это опять же требует поисков убийцы. Но самое главное, нужно выяснить, ради чего приехал Лазарь, и о чем шли переговоры. Если все происходило так, как сейчас выглядит – Мастера покупали для того, чтобы он устранил Короля. Если это так – война неизбежна. В таком случае, ее лучше вести на чужой территории и тщательно к ней подготовиться.

Мысль о возможности войны возникала у Короля давно. Им были недовольны и ждали только его ошибки. В сложившейся ситуации ошибиться было особенно легко.

Он приказа на уничтожение не отдавал. Тогда кто? Кому было выгодно сообщить Королю о готовящемся предательстве именно таким шумным и недвусмысленным образом? Королю указали на слабое звено и сделали это так, что он просто вынужден будет отреагировать. Кто-то заставил Короля действовать, а Король давно отвык делать что-либо по принуждению. Нужно найти убийцу и тех, кто стоит за ним.

Глава 4.

Суета

По городу поползли слухи. Как и положено слухам, они во время своего перемещения извивались, росли и приобретали самые невероятные оттенки. Поскольку точно ничего не знал никто – слухи мутировали особенно вдохновенно.

Первоначальная версия зевак возле кафе о психе-убийце превратилась вначале в информацию о кровавом ограблении, потом в сплетню о крутой разборке, а потом через легенду о милицеейской засаде в миф о налете банды. По извилистым закоулкам этого мифа носился почти десяток иномарок, изрыгающих пулеметный огонь во все стороны, в вдребезги разлетались окна в домах и гранаты прикрывали отход террористов. Над машинами развевались флаги: от татарских до чеченских. От мифа начал было отпочковываться слух о захвате заложников, но тут в дело включились информационные системы.

Вначале за дело взялась милиция и изумленные горожане обнаружили на улицах в самую жару патрули, а на дорогах – посты. Это поначалу подтвердило самые страшные предположения. Даже начало формироваться сообщение о подходящих к городу внутренних войсках и возможном введении комендантского часа.

Если бы на улицах было чуть прохладнее, слухи циркулировали бы значительно интенсивнее, и во чтобы превратился первоначальный вариант к ночи – представить было себе невозможно. Но – жара.

Люди медленно ходили, языки двигались лениво, слова до сознания доходили не сразу. Если бы дело было пущено на самотек – слухи бы продолжали расти медленно, но непреклонно. Им бы просто понадобилось чуть больше времени для достижения пика.

Этого времени у них не было. Ничто так пагубно не отражается на развитии сплетен, как появление достоверной информации и то, что люди вдруг осознают, что за длинный язык можно поплатиться. Естественно, жителям города никто не угрожал. Просто вдруг стало известно, что убит Мастер, и Короля очень интересует любая достоверная информация о произошедшем.

Люди разбирающиеся во внутренней политике города, а к этой категории относились почти все жители от мала до велика, осознали, что время для слухов не самое удобное, и что грядущие события могут оказаться куда как страшнее. Тем более, что и милиция предприняла меры к выяснению обстоятельств того же происшествия.

Неофициальные источники даже дали понять, что крохи достоверной информации можно сообщать как в милицию так и людям Короля. Это было необычно. Чаще всего происшествия в городе четко делились на те, о которых можно говорить милиции и те, о которых нужно сообщать только людям Короля. Если кто-то пытался нарушить традицию – ему это давали понять как в милиции так и неофициальные силы.

Симоненко и Король действовали в паре – это не могло не произвести должного впечатления, и те, кто первоначально принялся трепаться только из любви к искусству, затихли, предоставив трибуну тем немногим, кто действительно что-то мог знать.

Больше всего надежд возлагалось на показания единственной установленной свидетельницы происшедшего. В большей части надежды так и остались надеждами. В ходе трехчасовой беседы свидетельницы со следователем выяснилось, что зовут ее Азалия Семеновна, фамилия Амосова, и приехала она вчера из Курска.

Эта бесценная информация была, пожалуй, единственной достоверной на все сто процентов информацией и то только благодаря тому, что Азалия Семеновна предъявила паспорт. Все остальное терялось в тумане.

Азалия Семеновна принципиально не умела делать больше одного дела за раз. Девиз «когда я ем...» подходил к ней полностью. Только свободно видоизменялся. Она становилась глуха и нема в процессе любого занятия. Если она решала что-либо рассмотреть, то ничто не могло отвлечь ее от этого занятия.

Когда она вслушивалась во что-то – перед ее глазами могло происходить все, что угодно, от заката солнца до убийства. Накануне она прибыла со своей дочкой на пляж чтобы позагорать, и никакие намеки соседей по пляжу не смогли ее заставить пересмотреть свои планы на день.

Назавтра она вместе с дочкой, после использования всех мыслимых средств от ожогов, отправилась в кафе, чтобы отвлечься. И в кафе она полностью посвятила себя мороженому. Не сразу. Это даже вселило поначалу в следователя слабую надежду. Но потом оказалось, что вначале Азалия Семеновна выбирала столик. Потом она размещала на стульях вокруг выбранного столика себя, дочь Маргариту и свою сумку. Потом ждала пока этот ленивый хам-официант соизволит принять заказ, потом долго объясняла официанту что, собственно, ей хочется и только после того, как он ушел выполнять заказ у Азалии Семеновны возникла мысль осмотреться.

В этом месте ее показаний следователь оживился, но оказалось – несколько преждевременно.

Вначале Азалия Семеновна открыла свою сумку, достала сумочку, закрыла сумку, открыла сумочку, достала косметичку, закрыла сумочку, открыла косметичку, достала кошелек, закрыла косметичку, открыла кошелек, достала деньги, закрыла кошелек, открыла косметичку, положила туда кошелек, закрыла косметичку... В этом месте показаний следователь предложил свидетельнице чего-нибудь попить, но она вначале довела историю до того момента, как положила свою сумочку в сумку, сообщила, что после этого решила оглядеть кафе...

И вспомнила, что следователь предлагал ей чего-то попить. Следователь молча взвыл, вышел из кабинета, поймал кого-то в коридоре и отправил его за водой. Сам быстро вернулся в кабинет и попытался услышать продолжение захватывающей истории. Но Азалия Семеновна ждала прохладительных напитков и все свое внимание посвятила именно этому. Следователь ломал себе пальцы под столом, но все его попытки вернуться к обсуждению происходившего в кафе наталкивались на сосредоточенное ожидание Азалии Семеновны. Наконец принесли воду, и свидетельница приступила к ее принятию вовнутрь.

Некоторое время она подозрительно смотрела на свет сквозь предложенный ей стакан. Прозрачность его Азалию Семеновну не устроила, и Азалия Семеновна открыла свою сумку, извлекла из нее сумочку, закрыла сумку, из сумочки достала... В общем, носовой платок оказался в косметичке под кошельком. Азалия Семеновна тщательно вытерла стакан, внимательно осмотрела результат своих трудов, положила носовой платок на место, налила себе газированной воды и, не торопясь, выпила. Задумчиво посмотрела на пустой стакан и вспомнила, что дочке ее тоже нужно попить.

Следователь напрягся, ожидая повторения операции с носовым платком и вторым стаканом, но Азалия Семеновна налила Маргарите воду в свой стакан. Следователь немного расслабился, но оказалось – напрасно. Маргарита умудрилась пролить немного воды и заботливая мама достала свой носовой платок (сумка-сумочка-косметичка-сумочка-сумка) тщательно вытерла свою дочь и спрятала носовой платок (сумка-сумочка-косметичка-сумочка-сумка). После чего доброжелательно улыбнулась следователю, поблагодарила его за газированную воду, хотя лично она предпочитает боржоми, потому, что ей говорил врач, что именно бор-

жоми нужно для ее организма, но все равно большое спасибо, хотя боржоми было бы намного лучше, или, в крайнем случае эссенуки, но этой воды она давно не видела, да и врач ничего ей об эссенуках не говорил. «Так о чем это мы с вами говорили?» – спросила Азалия Семеновна.

А говорили они о том, что же все-таки из происшедшего в кафе отложилось в памяти Азалии Семеновны. И оказалось, что в голове у Азалии Семеновны отложилось («как сейчас перед глазами весь этот кошмар») много разного.

Оказалось, что официант двигался медленно, мороженое вместо клубничного он принес малиновое, сок был недостаточно охлажден, дико ревела эта ужасная музыка, а потом еще эти выстрелы, эти кошмарные брызги крови, эта совершенно дикая разлетающаяся голова, эта ужасная женщина...

Следователь встрепнулся:

– Какая женщина?

– С пистолетом.

– Вы можете ее описать?

– Ну, естественно.

– Пожалуйста, подробнее...

– Ну, такая кошмарная женщина с громадным пистолетом в руках.

– Как она выглядела?

– Ну, у нее был этот жуткий пистолет.

– Хорошо, а что она делала?

Азалия Семеновна ошеломленно уставилась на следователя. Странный молодой человек! Ведь ему совершенно ясно было сказано, что женщина стреляла. Что она еще могла делать с пистолетом в руках? Вообще не в привычках Азалии Семеновны рассматривать посторонних людей сидя в кафе. И пистолет Азалия Семеновна заметила только потому, что как раз закончила есть свою порцию мороженого и посмотрела на вход в павильон в ожидании появления этого ленивого официанта (он умудрился, представьте себе, потратить на то, чтобы выполнить пустяковый заказ целых пятнадцать минут). Азалия Семеновна собиралась как раз заказать еще порцию мороженого, когда этот молодой человек в дверях вдруг упал, а женщина вско-чила, а из-за угла появился мужчина...

– Какой мужчина?

– С сумкой.

– С какой сумкой?

– С большой.

– Какого цвета сумка?

– Я была слишком потрясена, чтобы замечать такие мелочи, если вы меня понимаете.

– Во что был одет мужчина?

– ?!

– Ну, как он выглядел?

– Совершенно кошмарный тип, у него в сумке оказался автомат...

– У мужчины были какие-нибудь приметы?

– Автомат.

– Что-нибудь еще?

– Сумка.

Следователь помолчал, задумчиво глядя в потолок и бесшумно шевеля губами.

– По-видимому, у вас что-то болит, – неожиданно проявила наблюдательность Азалия Семеновна.

– Ничего, спасибо, – со стоном ответил следователь. – Вам ничего не показалось странным.

– В убийстве? – скептически осведомилась Азалия Семеновна.

– В поведении, во внешности...

– Если вы считаете, что стрелять из пистолета в кафе это недостаточно необычно... –

Азалия Семеновна всем своим видом продемонстрировала, что до этого момента она была лучшего мнения о милиции и милиционерах.

– Вам ничего такого не показалось странным...

– Стойте, – Азалия Семеновна даже подскочила на месте. – Вы знаете, я заметила.

– Ну-ну...

– Мне показалось тогда. Только показалось...

– Ну...

– А сейчас я в этом просто уверена, после некоторых размышлений. Вы наверняка сами знаете как это бывает, будто бы ничего особенно не происходит и вдруг – пришла в голову мысль, и ты сразу же понимаешь, что так оно и было на самом деле. У меня был случай, когда я потеряла кольцо, а потом вдруг вот так в беседе вдруг вспомнила, где я его оставила.

– И что же вам показалось.

– Не показалось, я точно вспомнила.

– Что вы точно вспомнили?

– Кольцо я оставила на краю раковины в умывальнике у приятельницы...

– Да нет...

– Что значит «нет»? Совершенно точно я нашла потом кольцо возле мыльницы...

– Вы сказали, что вспомнили нечто очень важное о кафе.

– Кафе?

– Ну да, кафе!

– А, действительно, так вот, тот мужчина и та женщина с пистолетом, по-моему, они... Да нет, не по-моему, а совершенно точно, я просто в этом уверена.

– Ну?..

– Они были знакомы друг с другом.

В этом месте допроса следователь сдался. Он поблагодарил Азалию Семеновну за помощь и даже проводил ее и двенадцатилетнюю дочь Маргариту к выходу из управления. Следователь допустил ошибку. Впрочем, внешнее сходство мамы и дочери вводило в заблуждение не его одного. Раз они так похожи внешне, то и все остальное в них похоже. И никому не приходило в голову, что дочка может отличаться от матери.

Маргарита всегда все видела и слышала, даже когда ей это запрещалось. Она очень хорошо рассмотрела всех участников представления, но у нее не спросили, а мама очень не любила когда дочь вмешивалась в содержательные разговоры взрослых. А мама плохому не научит.

В результате было выяснено, что в кафе было минимум двое убийц: мужчина и женщина. Присмотреть установить не удалось, и при опросе в гостиницах и пансионатах просто выясняли фамилии тех, кто приехал за три-четыре дня до убийства или уехал в тот же день.

Король

Король отлично понимал, что найти убийц в переполненном курортниками городе будет очень сложно. Привыкнув трезво смотреть на вещи, Король оценивал шансы успешных поисков как один к ста. Один к ста в случае максимально оперативных и энергичных поисков.

Симоненко, со своей стороны, искать будет тщательно. Король хорошо изучил начальника городского управления милиции и испытывал к нему уважение. Подполковник был сильным, честным и волевым человеком, неспособным на подлость, но Симоненко, с точки зрения Короля, плохо понимал обстоятельства современной жизни. Делить мир на своих и чужих,

плохих и хороших, преступников и защитников закона – такую роскошь мог позволить себе только очень наивный человек.

Симоненко не был наивным человеком, он искренне пытался понять, что же происходит на свете, начинал понимать это, и ему становилось от этого только хуже. Король отлично видел, как гаснет подполковник, понимал, что долго так продолжаться не сможет, но ничего не предпринимал. Когда настанет момент, Симоненко сам назначит своего преемника, а Король проследит, чтобы новый начальник милиции не был никак запачкан контактами с криминалом. Это было для Короля принципиально.

Люди должны знать, что есть Король и есть милиция. Находясь над законом, Король понимал, что для большинства закон все равно нужен. Большую часть доходов Король извлекал из легальных операций, а для этого ему нужен был порядок и порядок именно законный. Люди должны быть защищены, не от Короля и ему подобных, а от себя и других людей.

Люди должны сами решать как строить свою жизнь. Если ты считаешь, что законы нужно выполнять – выполняй и рассчитывай только на поддержку законов. Если ты решил жить по другим законам, законам установленным только силой и авторитетом Короля – будь готов и отвечать по ним.

Король жил одновременно в системах двух законов и всегда это учитывал. Даже подбирая одежду, Король ориентировался на два способа восприятия. Летом он всегда был одет в светлую рубашу, светлые брюки и неброский галстук. Все, кто приходил к нему снизу, из подзаконного пространства, оценивали его одежду как признак скромности и деловитости. Только те, кто хорошо ориентировался в качестве и ценах одежды, замечали, что и простые рубашки, и брюки, и неброские галстуки происходят из самых престижных коллекций и стоят больших денег.

Нет смысла демонстрировать силу и влияние перед теми, кто этого не оценит. Более того, постоянная демонстрация силы – признак слабости. Сила должна применяться только тогда, когда в этом возникает необходимость. И дозироваться эта сила должна очень аккуратно. Там где можно обойтись толчком, нет смысла бить изо всех сил. реакция должна быть адекватной. Адекватной.

Именно в этом для Короля состояла основная проблема. Отреагировать, но отреагировать своевременно и точно. Он знал, что рано или поздно ему все равно придется столкнуться с противником лицом к лицу, и он готовился к этому столкновению. Все упиралось в то, что не было точной информации кто в его организации будет куплен. Мастер был среди кандидатов – резкий, циничный, склонный к насилию и независимый. Для Мастера не существовало запретов, и он искренне не понимал зачем считаться со стадом лохов. Их надо стричь. А если кто начнет брыкаться – мочить. Не успел тут Король, не успел. Слишком был занят, чтобы взвесить все точно, хотел получить доказательства и бить наверняка. Но кто-то успел ударить первым.

Король поймал себя на том, что, не отрываясь, смотрит на телефон. Ему предстоит очень серьезный телефонный разговор. Не важно, позвонят ли ему или он сам наберет номер, но разговор должен состояться непременно. Лучше, конечно, было бы получить более точную информацию и только потом связаться с приятелями Лазаря. Неплохо было бы предъявить убийцу, или, в крайнем случае, доказательство того, что Лазарь вместе с Мастером готовили удар по Королю.

В этом случае, Король имел право реагировать так резко, в этом случае не нужно было искать убийц. Но доказательств не было. А раз их не было – их нужно найти. Пусть Симоненко ищет – если что-то вообще можно будет найти, он найдет. Король должен принимать меры и, похоже, меры будут достаточно решительными.

Король нажал кнопку селектора. В кабинет вошел секретарь, как всегда невозмутимый и спокойный.

– Нужно поговорить с людьми Мастера. С теми, кому он доверял. Через два часа они должны быть в пещере. И они должны сказать все, что знают. Любыми средствами.

Секретарь спокойно кивнул. Король задумчиво посмотрел на телефон:

– И еще, все междугородние телефонные переговоры и телеграммы должны проверяться. Малейшее подозрение – ко мне. Перекрыть все дороги, причалы, автовокзал, тропы – все перекрыть. Взять под контроль всех приезжих уроков. Мы должны быть готовы к появлению боевиков. Ко мне вызвать Грека, Селезнева и Качуру. Сюда вызвать. А к моему дому пошли пару своих людей.

– Уже послал, Никиту и Рашида.

– Хорошо, ко мне в течение получаса никого не пускать и по телефону не соединять.

Секретарь вышел, а Король снова посмотрел на телефон. Если разговор все равно неизбежен, то лучше звонить самому. Король набрал номер телефона.

Палач.

Что-то было не так. Что-то было неправильно. Что-то? А, может быть, неправильно было все? Нет, все, что было приказано он выполнил точно – время, место, способ – все точно. Пока нужно было выполнять приказ – такие мысли не приходили Палачу в голову. Палач привык выполнять приказ точно.

Лучше, правда, когда ставят приказ таким образом, что он сам выбирает место и способ, но и в тех случаях, когда приходилось действовать в жестких рамках расписанного по секундам сценария, Палач не испытывал такого дискомфорта. Но сейчас Палач испытывал недовольство. И пытался понять причины этого недовольства. Тот, кто составлял сценарий сегодняшней операции, очень хорошо знал возможности группы Палача.

Похоже, что автор сценария был тот же, который составлял почти все предыдущие. Иногда Палач точно мог себе представить смысл совершаемого, иногда это не удавалось, но всегда операция подходила группе Палача как тщательно скроенный костюм. Операция подгонялась под характеры и особенности исполнителей.

Когда Палачу попадал в руки черновой набросок плана, он уже мог себе представить, под кого подготовлена та или иная роль. Но... Нет, в этот раз тоже совершенно точно определено место, максимально использованы способности Даши и Палача. Что-то не дает покоя, что-то маячит за декорациями и сочится между строк.

Палач попытался высвободить левую руку, но Даша пробормотала что-то во сне и крепче прижала руку к груди.

Даша. Тот, кто планировал операцию, не мог не знать, что будет с Дашей сразу после акции. Не мог он не знать, что единственное, на что будет способна Даша в ближайшие часы – это вначале пережить еще раз свой кошмар, а потом спать, возвращаясь в обычное состояние. Не мог не знать, но все равно определил Даше эту роль. Возможно, он исходил из особенностей характера охранника. Ведь действительно охранник был полностью парализован.

Палач прикрыл глаза. Он попытался отбросить все мысли и снова почувствовать себя оружием. Дрянь. Всякий раз после того, как ему приходится делать с Дашей это, Палач начинал ощущать себя частью сообщества тварей, именующих себя людьми.

Даже это сомнение в правильности операции – тоже результат этого очеловечивания. И Даша рядом, как напоминание о его слабости. Ему нужно было отодвинуться от Даши, перестать ощущать ее тело, перестать чувствовать кончиками пальцев удары ее сердца. А ей нужно прижиматься к нему, искать в нем защиту, пытаться прикосновением к нему удержать частичку тепла и любви, любви к тому, кто уже несколько лет подряд вынужден быть насильником только для того, чтобы хотя бы на несколько минут вернуть Даше ощущение, что она женщина.

Странно. Только когда Палачу удавалось оттолкнуть от себя чувства и эмоции, он ощущал себя спокойным и почти счастливым. И он же старался дать возможность Даше почувствовать себя человеком, а не просто орудием.

Странно. Это также странно как и то, что им не дали сразу же плана на отход после операции. С одной стороны, это вполне естественно. Даша. Ни о каком отходе не может быть и речи, пока Даша не придет в себя. Операция должна была проходить так, чтобы у них было минимум несколько часов до того, как ее результаты были бы обнаружены. Или Даше должна была быть отведена роль водителя. Но за руль приказали посадить Володю, а Дашу подставили под удар.

Подставили. Странное и неправильное слово. Оружие нельзя подставить. Оружие нужно беречь и за ним нужно ухаживать. Оно ведь еще понадобится.

Даша застонала, по телу ее пробежала дрожь. Странно. Обычно после всего Даша умиротворенно затихает. Она снова становится семнадцатилетней девочкой, не знающей еще, что ее ожидает. Но сегодня она слишком напряжена. Они слишком долго добивались до гостиницы. Слишком долго. Но ведь все остальное было нормально. Насколько это вообще могло выглядеть нормальным.

Подставили. Нет, ерунда. Приедет Володя и все станет на свои места. Они получают маршрут отхода, или им разрешат самим выбирать маршрут. Это было бы даже лучше. Все отходы наверняка перекрыты. Наверняка. И также наверняка будут разыскивать всех, чье поведение будет отличаться от обычного. Будут искать тех, кто только что приехал. Тут все нормально, не зря они провели в этом пекле полмесяца, выполняя все ритуалы человека на курорте. Палач даже загорел, не смотря на свое отвращение к пляжу.

Затем, необычное поведение тех, кто живет уже давно. Вот тут возможен прокол. Палач поморщился. Сегодня он впервые пришел к Даше в гостиницу. Обычно она приходила к нему, и все в его гостинице знали, что у них роман. Конечно нужно было ехать к нему, но этого не выдержала бы Даша. Это не очень страшно, если сегодня им разрешат отходить. Если же... Им сегодня наверняка разрешат отходить.

Даша снова застонала и сильно сжала руку Палача. Ногти больно впились в кожу, но Палач не пошевелился. Он давно боялся того, что Дашина болезнь может усилиться. Он старался не замечать некоторых признаков этого. Все пройдет. Все будет нормально. Сегодня они уедут, и он сможет посвятить Даше столько времени, сколько будет нужно.

А сейчас главное быть спокойным и уравновешенным. Спокойным, как и положено оружию. Люди никогда не дождутся от него слабости. Он не похож на них, он способен выдержать все. Он...

Даша вскрикнула. Палач открыл глаза и посмотрел на нее. Дыхание Даши стало тяжелым, тело напряглось. Ее руки судорожно сжались, и на простынь каплями стекала кровь, его кровь. Она что-то шептала и голос ее становился все громче, пока он наконец вдруг с ужасом не понял, что именно шепчет она.

– Нет, только не это, не нужно, пожалуйста, не нужно, пожалуйста, не нужно... нет... н-е-ет!

Она почти кричала и Палач, понимая, что делает все не так, попытался ее разбудить. «Нет!» – на этот раз она крикнула, и он зажал ей рот. Она впилась зубами в его пальцы. Палач застонал, но руку не отдернул. Им нельзя было привлекать ничьего внимания. Ее нужно как-то успокоить. Даша открыла глаза и Палач увидел в них ужас и отчаянье. Нет, это не должно произойти. Она должна была прийти в себя, она всегда приходит в себя во время сна. Нельзя, чтобы все это повторилось с самого начала, он просто не выдержит этого. Да и она может этого не выдержать. Ему снова придется насиловать ее? Нет, не может быть. Не может...

Резко дернувшись, Даша вывернулась из его рук и попыталась вскочить. Палач успел перехватить ее за руки и снова повалить на кровать, на этот раз лицом вниз. Даша кричала, но крик ее заглушался постелью. Она пыталась вырваться, и на этот раз вырывалась уже не та ослабевшая от страха семнадцатилетняя девочка. Впервые Даша не провалилась в прошлое. Прошлое настигло ее сегодняшнюю и Палач понял, что еще несколько секунд, и она вспомнит

все из того, чему ее учили. Слабость и растерянность навалились на Палача. Он не знал, что ему делать. Впервые за много лет.

Даша снова попыталась вырваться. Палачу пришлось использовать почти всю свою силу, чтобы удержать ее. Даша извивалась всем телом, пыталась ударить его головой и ногами. Сво- лочи. Что они натворили? За что ей все это, за что все это ему? Палач застонал и ударил. Сильно. Потом снова ударил. Дыхание Даши пересеклось, и вместо крика вырвался хрип. Руки ее рванули простыню. Даша вдруг перевернулась на спину, и лицо ее приблизилось к лицу Палача.

Он видел, как зрачки ее вначале сжались до точек, а потом, словно прыгнув ему навстречу, расширились.

– Слава, – как в бреду прошептала она. – Слава.

Он потрясенно молчал, вглядываясь в ее глаза.

– Мне плохо, Слава, мне очень плохо. Что мне делать? Сла-ва! Ответь! Помоги же мне! Я так больше не могу, ты же обещал мне помочь! Слава!

Палач молчал.

– Я ведь люблю тебя, Слава, ты слышишь меня, люблю!

Не так. Не нужно так с ним, он не может этого слышать. Он думал, что самое плохое это притворяться человеком. Но быть самим собой и слушать это безумие...

– Даша, хорошая моя, – пробормотал Палач, – я с тобой, все будет хорошо, успокойся, все будет хорошо, я тебя тоже люблю.

– Я ведь красивая? – неожиданно спросила Даша.

– Да.

– Красивая... – сказала Даша, словно пробуя это слово на вкус. – Я красивая. Ты меня правда любишь?

– Да, очень.

– Очень... Ты никуда не уйдешь? Я не хочу, чтобы ты ушел. Честное слово, не хочу. Останься. Если любишь.

– Я не уйду, я никуда не уйду. Я буду рядом.

– Рядом. А ты меня любишь?

– Люблю!

– Честно-честно любишь?

Она уходила в свое семнадцатилетие. Она забывала то, что произошло с ней сегодня, она забывала то, что произошло с ней тогда, в тот проклятый день. Она возвращалась туда, где хотела и могла любить. Она уходила туда и увлекала за собой Палача.

Даша прижалась к нему и он почувствовал на своем лице ее губы. И он почувствовал, как эти губы шепчут безумное «Люблю» и ищут его губы. Он осторожно поцеловал Дашу. Она тихо засмеялась. «Я хочу тебя» – тихо прошептали ее губы. Он замер.

– Это не страшно, что я тебя прошу об этом. Когда очень любишь, то это можно. Ты ведь любишь меня?

– Да, – сглотнув комочек, ответил он, – я люблю тебя.

– Иди ко мне, – еле слышно сказала она.

Суета

Вначале нужно найти лоха. Лоха вообще нужно всегда держать на примете, но в данной ситуации нужно найти лоха совершенно конкретного и неподдельного. Этим обычно занимался Карась.

У него на подходящего лоха глаз был наметан. С первого взгляда Карась определял в толпе потенциального клиента. В любой, самой угрюмой толпе Карась умудрялся определить

того, кто не просто готов отдать все ценности, но еще и имеет эти ценности. Даже сам Карась не мог точно сформулировать набор каких примет определяет его выбор. Он просто знал, что если подойти к эту мужику или к этой телке, или к этому мудаку, то они, телка, мудака и мужик, сделают все что нужно для собственного разорения. Будут действовать как после репетиции и из всех сил помогут себя кинуть.

Карась вычислял лоха, но первым действовать начинал Пень. У него очень убедительно выходило изображать лоха среди лохов. Именно человек с такой физиономией как у Пня мог совершенно свободно выронить посреди улицы толстенный кошелек или просто кулек с деньгами и пройти дальше ничего не заметив. А потом суетиться, выпрашивая плаксивым голосом у прохожих, не видел ли кто пропажи.

Ответственную задачу развести лоха брал на себя Графин. В зависимости от ситуации и избранного сценария, он либо предлагал лоху поделить найденное, либо просто обращал его внимание на лежащие деньги. Ну и в финале в дело вступали Локоть и Сявка. Сама природа позаботилась об их подготовке на роль вышибал. Такого выражения лица нельзя было специально отрепетировать, с ним нужно было родиться. Только несколько поколений алкоголиков, зачинающих потомство по пьяному делу, могли произвести на свет подобные украшения рода человеческого. Локтю и Сявке достаточно было просто постоять рядом с клиентом, чтобы у того проявилась необычайная стоворчивость в деле расставания с родными ценностями.

Все было настолько просто, что даже не рассматривалось компанией как дело. Так, развлечение. Только по этой причине Карась дал добро на проведение операции. Сам Карась искренне считал, что на курорте нужно отдыхать, что работать надо на знакомой территории и остальные с ним, в принципе, были согласны. Но это, блин, работать, а тут типа отдых, чисто по приколу.

Полный город лохов, а на таком лоходроме грех не сшибить на пиво. Грех. Работать решили по упрощенной системе – ни каких «кукол». Пень роняет «бабки» и, если лох их только поднимает, дело сделано. Пусть лох оказался порядочным только хочет спросить типа, чье, в натуре, добро. Это уже все до фени. Счастливый хозяин пересчитывает поднятое и возвращенное и тут же обнаруживает крупную недостачу. Подвалившие Локоть и Сявка в качестве свидетелей подтверждают факт пропажи денег и убедительно просят нашедшего эту недостачу возместить. Вначале просят устно. Если возникает необходимость, то просьба излагается в рукописном варианте. Карась и Графин работают на атаке, завершая изящную простоту спектакля.

Компания приехала на курорт только утром и еще плохо владела ситуацией. Они не предполагали, что даже в обычных условиях их бизнес был бы пресечен достаточно быстро – Король требовал, чтобы курортников не обижали. Свои деньги курортник должен был тратить с удовольствием и так, чтобы и на следующий год возникло у него желание приехать на этот курорт. В обычный день все это вылилось бы в пару пинков и, может быть, демонстрацию ствола.

После стрельбы в «Южанке», а, тем более, команды Короля, всякий, попавший в поле зрения бригад очень и очень рисковал.

Первым готовящееся кидалово засек патрульный сержант, но мер принимать не стал. Наводить порядок в подобных вещах милиции не полагалось, и сержант спокойно подошел к стойке летнего кафе и, выпив стакан бесплатной «колы», перебрался парой-тройкой слов с барменом. Бармен внимательно посмотрел на Локтя и Сявку, пристроившихся в тени платана, на маневры Караса и Графина по набережной и не торопясь подошел к сидящим за столиком четверем ребятам из бригады Грека. И у компании Караса начались проблемы.

Карась как раз вычислил лоха и указал на него Пню. Пень двинулся было на исходную позицию, но вдруг столкнулся с крепким парнем, вздрогнул, захрипел и стал оседать на заботливо подставленные руки прохожего. Локоть и Сявка двинулись к месту столкновения, но за спиной у них появился еще один спортсмен и дважды взмахнул рукой. Сявка и Локоть обычно

хорошо держали удары, но в руках у бывшего была телескопическая дубинка и пара вышибал спокойно легла у колес кстати подкатившего микроавтобуса. Микроавтобус заодно прикрыл всю мизансцену от глаз гуляющих курортников. Первым в машину вбросили Пня, потом очень оперативно переправили туда же Локтя и Сявку.

Карась потянул за руку дернувшегося было Графина. Не тот расклад, чтобы выпендриваться. Дерьмом запахло и лучше всего было делать ноги, но у людей Грека было другое мнение. Спокойной походкой к Карасю и Графину подошел невысокий крепыш:

– Поехали покатаемся.

– Это еще с каких хренов? – попытался стать в позу Графин и тут же сник, утробно булькнув и опустившись на колени.

– Помочь или сам пойдешь? – почти дружелюбно поинтересовался крепыш у Карася.

– Сам пойду, только ты, братан, напутал чего-то. Мы тут просто так отдыхаем.

– Ясный хер, просто отдыхаете. А мы вас просто покатаем. Бери своего кореша и в машину.

Карась подхватил подмышки Графина и повел его к микроавтобусу. Хреново! Как все, мать твою, хреново. И ведь как чувствовал, что не нужно было затевать всю эту фигню. Лежали бы сейчас на пляже, баб снимали. Так нет же, блин, влипли и непонятно во что.

Карась огляделся тоскливо вокруг, увидел спокойные глаза патрульного сержанта, и у него мелькнула, как последняя надежда, мысль, что попали они в руки оперов и что после беседы их выпустят. Потом залез в машину, посмотрел на залитые кровью лица приятелей, и желудок его болезненно сжался. Спазмы пошли к кишечнику. В животе заурчало.

– Только не вздумай в машине серануть, – предупредил залезший следом крепыш, – матку выверну.

Карась кивнул и сел прямо на пол. Машина тронулась с места и нетопливо поехала по пешеходной зоне набережной, вежливо пропуская гуляющих курортников.

Мусор

Блядство. Господа бога... Что ж теперь делать? Он всегда знал, что настанет его момент. Настанет. И настал. Мусор? Хрен с вами, пусть Мусор. Только теперь не просто мусор, а мусор с деньгами. И какими деньгами! Кинутый мудак. Прятать такие деньги и не знать об этом. Судьба у него, у Кинутого такая, в чужом дерьме ковыряться.

Денежки не просто так в машине лежали. Денежки для чего-то привезли. И лежали они вместе со стволами. Стволы и бабки. Прятал их Кинутый по приказу Мастера. А сам Мастер в это время в «Южанке» парился с приезжими козлами. А ведь мог прямо в доме у Васи посидеть, поболтать. Или не мог?

Не мог. В кафе ему было сподручнее. К Васе мог кто-нибудь припереться, винца купить или еще чего. Просто собутыльник мог заявиться. Тот же Малявка у Кинутого часто ошивался. Малявка, сучило!

Мысль о Малявке даже на минуту отвлекла от рассуждений о деньгах. Найти Малявку и отмудохать. Так, чтобы пузыри, сука, пускать начал. Мусор представил себе, как хрустят ребра Малявки и даже улыбнулся. С Малявкой успеется. А вот с деньгами и Кинутым...

Мусор пообещал прийти к Кинутому в одиннадцать ночи не успев всего обдумать. Просто в голове полыхнуло, что вечером с Васей нужно будет решать. Что решать и как – Мусор еще не окончательно обдумал, но все произойдет сегодня ночью.

И еще Нинка. Вася к ней в киоск приволок мешок. Нинка, конечно, запугана, но ведь может и ляпнуть кому-нибудь, что Кинутый для участкового мешок у нее в киоске оставлял. Хреново. Для тебя, Ниночка, хреново, потому что Игорь Иванович Мусоргский должен все предусмотреть и решить. Такие деньги он никому не отдаст. Никому.

Все изменится. Теперь он как человек жить будет. Сука. Это как же он теперь жить будет? Деньги – оно, конечно, хорошо, но только все ведь заинтересуются откуда у участкового такие деньги. Откуда. Вот тут и смекнет кто-нибудь из тех, кто эти деньги в сумку клал, что не зря по своему участку Мусоргский ходит. Так он себе могилу выроет сам.

Думай, думай, если жить хочешь. Зачем столько денег приятели Мастера с собой привезли? Может, Мастер наркоту продавал? Может быть. Тогда зачем столько стволов? И автоматов и даже винтовка с оптическим прицелом. Для охраны? Нет, тут Мастер крупнее играл.

Ни хрена себе! Так это покойничек решил с Королем кончать! Наркотой торговать в городе тот запрещал, беспредела не одобрял, ходили слухи, что Король сильно недоволен Мастером. А Мастер был не из тех, кто хотел в узде ходить. Тот еще конь. Был. Так значит – Король их приказал кончать? А что ему, Мусору, из этого всего светит? Может, плюнуть на все и сдать Королю и оружие и бабки? Мол нашел и сразу сообразил. Может, Король чего отвалит по этому поводу. А может и нет. Можно только оружие сдать, мол не было больше ничего и все тут. Только стволы. Кинутый видел две сумки, но это ничего, разложить оружие на две торбы – он и не заметит. Ему, мудаку сопатому, не до того будет. Ему придется Королю объяснять почему это у него во дворе Мастер машину прятал.

А поверит Король? А почему бы и нет? Поверит. Надо только решить как все правильно сделать. Кому докладывать? Симоненко или Королю. До вечера подождать, что ли? Может еще чего нового всплывет? Ну, пусть поищут все как следуют. Машины пока только один старший лейтенант хватился. Если до ментов тоже дойдет, что нужно тачку искать, тогда начальство прикажет заняться этим нудным делом тому, кто лучше всего знаком с районом, то есть, участковому. А участковый поищет и найдет. Ой, найдет.

Мусор почувствовал приятное возбуждение. Почти такое же, как если бы он поймал Малявку и уже сломал ему пару ребер. Позвать, что ли, Нинку с улицы и еще раз ей за щеку заправить? Нечего ей вокруг киоска шляться, еще заинтересуется кто, что это участковый в киоске один делает. Мусор собрался было открыть дверь и позвать Нинку, но остановился. Поискал под прилавком, за ящиками и обнаружил объемистую хозяйственную сумку. Переложил, не торопясь в нее деньги, наслаждаясь каждым движением, аккуратно закрыл молнию. Потом разложил оружие из одной сумки в две и начал закрывать. Спихватившись, вынул с самого дна пистолет с глушителем и четыре обоймы, положил поверх денег. Все оружие обер носовым платком. Нинку сегодня больше трогать не будет. У нее и так вот дурь в глазах появилась. Как бы она в сумки не полезла. Мусор открыл засов на двери киоска и позвал Нинку.

Нинка вздрогнула и подошла, старательно пряча глаза. У Мусора даже возник соблазн, но настроение у него было неплохим.

– Ты, Ниночка, дверь на замок закрой, а ключик отдай мне.

– Что, Игорь Иванович?

– Ключи мне отдашь от киоска. Сама здесь будешь в половину одиннадцатого. Поняла?

Нинка кивнула. Она боялась другого, а тут всего лишь ключи. Она кинулась в киоск, забрала свои вещи и торопливо захлопнула дверь. Нинка боялась, что Мусор передумает, и потому торопилась. Она даже не обратила внимания на сумку в руках у Мусора.

– Сегодня, в половину одиннадцатого, – напомнил Мусор.

– Я да, я хорошо... я приду... – и Нинка пошла на плохо гнушихся ногах, все еще ожидая окрика и новых мучений. Но Мусор почти сразу же забыл о Нинке.

Руку оттягивала сумка с деньгами. Вечером все решится, все решится вечером.

Наблюдатель

Все относительно в этом самом непредсказуемом из миров. Каждая минута проведенная на обжигающем стуле в кафе тянулась как час. Потом необычайно долгий выстрел дамы в

белом, ствольная коробка медленно отходит назад, обнажая ствол, из дула вырывается клуб раскаленного газа, пули не видно, но гильза мучительно медленно вылетает вправо и вверх от пистолета, поблескивает на безумном полуденном солнце и вращаясь летит на бетонный пол веранды, отскакивает раз, другой и дальше просто катится. Тело охранника падает на спину, медленно, значительно медленнее гильзы, но траектория у гильзы намного длиннее, и они замирают на земле одновременно, израсходованная гильза и охранник, пущенный в расход.

Потом время сорвалось с цепи и понесло Гаврилина навстречу Марине и все только для того, чтобы подло обмануть его в самый прекрасный момент. Только Марина прикоснулась к его телу, как стрелка на стенных часах перепрыгнула с цифры три на цифру пять, солнце решительно сползло почти к самой крепости, и Марина встала с постели. Гаврилин потянулся к ней, но Марина уже была тверже крепостной стены.

– Неплохо, это было совсем неплохо. За технику исполнения я поставлю тебе четыре с плюсом.

– А почему не пять с минусом?

– На пять с минусом нам еще придется работать и работать, – Марина спокойно надела трусики, юбку и блузку на голову тело.

– Ты мне это твердо обещаешь? – радостно спросил Гаврилин.

– Если ты сам не передумаешь.

– Только под страхом смерти. Ты разбудила во мне зверя и любопытство. Вообще то я был уверен, что меньше пятерки в постели не зарабатываю...

– Мне очень жаль, Саша, но ты себе льстил. Надо в твоём возрасте уже быть немного самокритичнее. Хотя, тут ты не виноват. Тебе просто не встретился хороший учитель.

– Не понял? – Гаврилин перевернулся на живот и вопросительно посмотрел на Марину снизу вверх.

– Ты неплохо оснащен от природы и есть желание постараться, но... – Марина застегнула пряжки на туфлях и выпрямилась.

– Ты хотя бы намекни, в чем мне стоит попрактиковаться.

Марина остановилась в дверях и медленно, по слогам произнесла:

– У тебя проблемы с языком. Когда мужчина не может связать двух слов – это нормально.

В постели иногда стоит и помолчать.

– Ну, и...

– Но это не значит, что его в постели нужно держать за зубами.

– Интересное замечание. И когда я смогу обсудить его подробнее?

Марина скептически оглядела лежащего Гаврилина покусывая нижнюю губу.

– Если у тебя хватит сил и желания – сможешь найти меня в десять часов вечера в ресторане гостиницы «Юг», заодно сможем и поужинать.

И графиня спокойно покинула спальню маркиза. Но свидание назначила. Вот тебе и проверка с плюсом. Да она просто не может его забыть. Она покорена им готова отдать за его любовь все свое состояние и родовой замок на третьем этаже пятиэтажного дома.

Гаврилин потянулся и положил руки под голову. Хорошо, просто хорошо. Давно ему не было так хорошо. Он даже забыл, что можно вот так просто расстаться с женщиной после постели и не чувствовать, как обычно, легкого разочарования.

Спасибо любимому начальству. Вполне обнадеживающее начало для карьеры. Курорт, смертельно опасная блондинка, горы трупов и неземное наслаждение в постели красавицы, фамилию которой, кстати, он так и не узнал. Он вообще ничего о ней не узнал. Имя и адрес. И еще у нее родинка под правой грудью. Гаврилин хмыкнул. Это молодой специалист заметить успел. Какой глазастый молодой человек у нас тут гуляет. Неужели все, о чем ему говорили за время учебы настолько не похоже на реальную жизнь? Инструктор буквально рубашку на себе рвал, когда гарантировал полное отсутствие шпионского антуража в реальных заданиях.

Если вы полагаете, что вас будут мечтать заполучить к себе в постель самые лучшие женщины мира, то вы глубоко ошибаетесь! Как же, ошибаетесь! Одна из самых, стоп, самая красивая из женщин планеты только что вышла из этой комнаты и даже поставила ему четыре с плюсом за технику исполнения. Это вам не оценка техники слежения и наблюдательности. Это вам...

Да. В смысле, наблюдательности и предусмотрительности. Он умудрился в течение двух часов упражняться в блуде при открытых дверях. Умница. Это бы неплохо выглядело – кавалер поощрительно поглаживает волосы дамы, заинтересовавшейся его телом ниже пояса, начинает приближаться к финальному аккорду, и тут в дверях появляется баба Агата. Любит хозяйка своего жилья и иногда балует чем-нибудь домашним. «Здравствуйте, баба Агата, а это Марина, она сейчас сплунет и поздоровается!»

Гаврилин представил себе эту сцену и засмеялся. Вскочил с постели и несколько раз подпрыгнул. И жить хорошо, и жизнь... особенно после бокала шампанского. А в двадцатый номер – шампанского! Гаврилин прыснул. Совсем крыша поехала. Черепица летит во все стороны. В двадцать ноль-ноль он отпрапортует начальству, а в двадцать два ноль-ноль, если доживет, и начальство не придумает очередную начальственную пакость, он будет ужинать в ресторане гостиницы «Юг» с Мариной и чахлыми командировочными. Он по легенде, между прочим, простой отечественный интеллигент, без капиталов. На сколько минут ресторана хватит суточных? Гаврилин мысленно пересчитал свои денежные запасы и пришел к выводу, что один вечер в ресторане он себе позволить может. Но только один. Иначе все оставшееся время придется питаться воспоминаниями о прекрасно проведенном вечере.

Ля-ля-ля! Тополя! Здоровенный голый мужик приплясывает посреди комнаты с совершенно обалделым видом. Гаврилин рассмотрел себя в зеркале и пришел к выводу, что начальство было бы им недовольно. То есть, абсолютно. Изю всех сил. Гаврилин натянул спортивные штаны на голое тело. И замер. Краска медленно прошла по его лицу из-под корней волос к шее, как кипятком обдало. Здравствуйте, президент Грант, герой Гражданской войны, вечный символ пятидесятидолларовой купюры. Кто же это вас бокалом придавил? Не надо, мистер президент, не трудитесь. Нам говорили, что нужно доверять своей интуиции. Нас даже хвалили за удивительно сильно развитое воображение и способность к дедуктивному мышлению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.